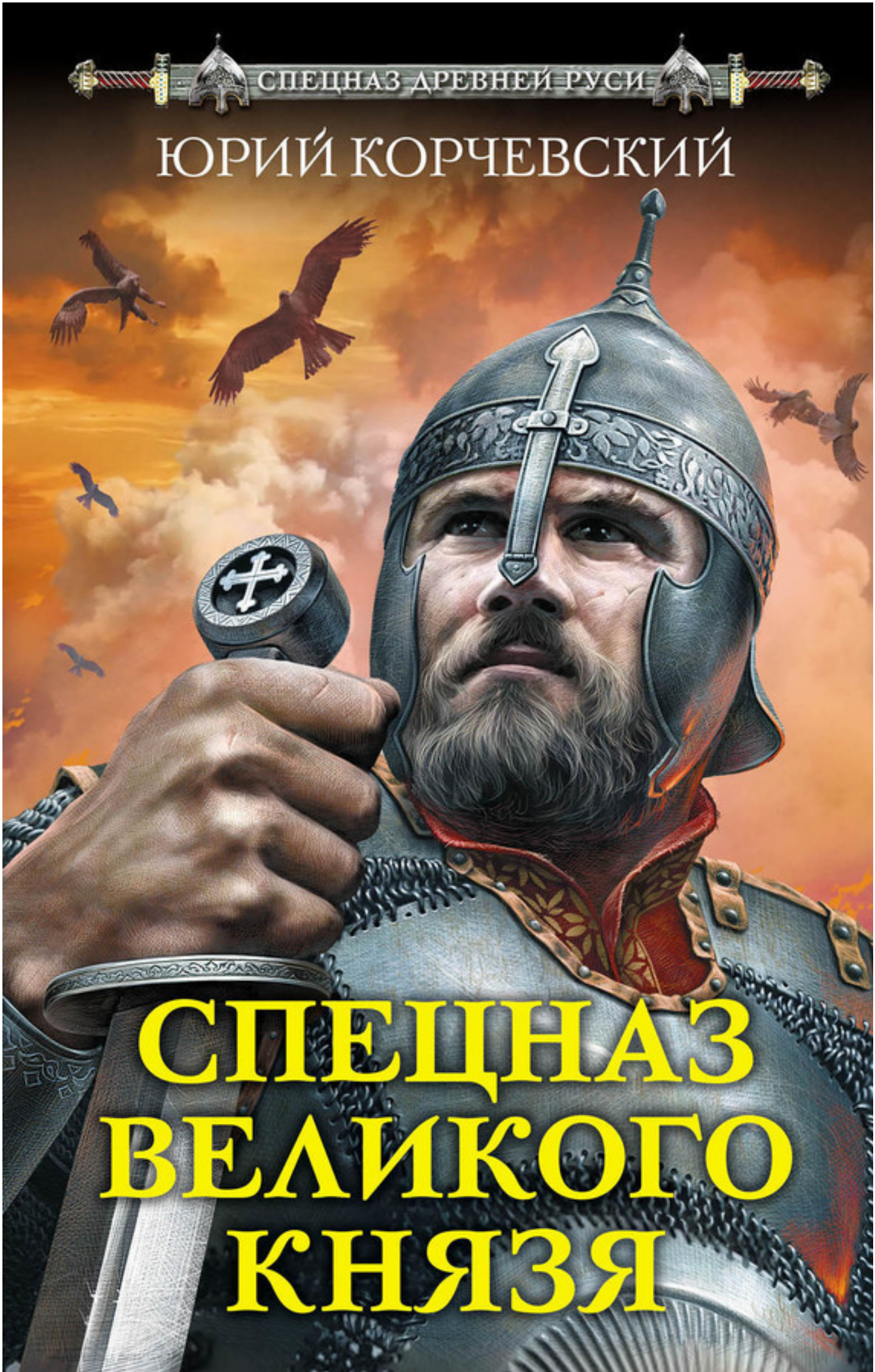
СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ



СПЕЦНАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Спецназ древней Руси

Юрий Корчевский

Спецназ Великого князя

«Махров»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Спецназ Великого князя / Ю. Г. Корчевский — «Махров», 2018 — (Спецназ древней Руси)

ISBN 978-5-04-091072-4

Знаменитое сражение на реке Угре в 1480 году, позже прозванное "Стоянием", положило конец монголо-татарскому игу и послужило первой вехой в становлении независимого Русского государства. Боевые действия продолжались несколько месяцев на широчайшем для тех времен фронте – более 60 верст. До решающей битвы дело так и не дошло – конец противостоянию положила отправка в глубокий тыл ордынцев отряда отборных воинов Великого князя Ивана. Сейчас бы такой отряд назвали разведывательно-диверсионной группой специального назначения… Спецназом! Расширялось и крепло Московское государство, прирастало землями, непрерывно воевало. И молодой дружинник Федор Сухарев прошел вместе с ним славный путь от новика до десятника и сотника, сражаясь, побеждая и познавая горечь поражений.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091072-4

© Корчевский Ю. Г., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 20
Глава 3 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Юрий Корчевский
Спецназ Великого князя

© Корчевский Ю.Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1
Боевой холоп

Отца своего Федька не помнил, мать воспитывала его и младшего брата. Впроголодь жили в полуземлянке-полуизбушке. Мальчишка трудолюбивым рос, сметливым, сообразительным, но с характером. За что не раз бит был сельским старостой. Евграф Ильич, верный слуга боярина, вечно злой, всем недовольный. После работ в поле да скудного ужина Федька к дьячку бегал, в церковь. В небольшой церкви спокойно, ладаном пахнет и восковыми свечами. А главное – дьячок не обижал никогда, разговаривал ласково. Как подрос Федька, грамоте учить стал. Подросток к учению жаден, знания впитывал как губка. За две седмицы весь алфавит выучил. Дьячок рукописную книгу давал читать – «Жития святых». Читал Федька при свете свечи, в небольшом приделе храма. Со временем ладно получаться стало. Дьячок Афанасий учеником доволен. Счёту обучать стал, хвалил.

– Есть у тебя способности, Фёдор. Учись писать, со временем писарем станешь, уважаемым человеком. Всё лучше, чем спину в поле гнуть.

На бумагу и чернила денег не было, да Афанасий совет дельный дал.

– Сделай табличку. Коли бортники знакомые есть, так из воска. Либо сам, из глины. Палочку заостри, ею пиши.

О, как не просто поначалу писать получалось! Буквицы кривые получались, как пьяные. И строка то вниз сползала, то вверх. Но премудрость со временем освоил, поскольку каждый день упражнялся, не отлынивал. Зимой, когда работы мало было, писал, читал при лучине. Мать тягу к учёбе одобряла.

– Правильно делаешь, сынок. Ты Афанасия не забывай, он худому не научит. Глядишь, со временем писарем станешь.

Писарь в деревне второй человек после старосты. Подати за каждым холопом записывал, челобитные и прошения писал, письма.

Жизнь Федьки изменилась в один день. Репу с барского огорода убирал, к полудню чёрные тучи нашли, дождь начался, перешедший в ливень. Фёдор работу бросил. Вымок весь, да из земли, превратившуюся в месиво, репу не вытащишь. Только за ивовую большую корзину взялся, почти полную, в амбар отнести, староста появился на подводе, с объездом.

– Ты что, лентяй, работу бросил?

Сам на подводе сидит, рогожей прикрылся.

– Так дождь же.

Староста слез с подводы, взял кнут, которым лошадь погонял, да принялся Фёдора стегать.

– Вот тебе, лентяй, вот!

Удары сильные, Фёдор уворачивался, лицо руками прикрывал, чтобы кнутом в глаз не попал староста. Как с одним глазом жить? Как всадники подъехали, за шумом дождя оба не услышали. Удары кнутом вдруг прекратились, староста вскрикнул. Это его один из всадников сапогом в бочину пнул.

– За что парня мордуешь?

Всадников трое. Двое ратников, судя по доспехам – в кольчугах, на головах шлемы-шишаки, при мечах. А один в плаще, а на голове шлем. Из-под плаща края шёлковых штанов видны, заправленные в короткие мягкие сапожки. Видно – не простой витязь.

Староста сначала вскинулся. Кто это ударить его посмел? А как разглядел всадников, шапку скинул, в пояс поклонился.

– Прости, князь!

Князь усмехается презрительно, а ратник рядом снова спрашивает:

– В чём вина парня?

– Репу убирать не хочет.

– Так ведь дождь идёт, мокрая репа в амбаре погниёт. Так-то ты за урожай радеешь?

И ещё раз старосту пнул. Не столько от боли, сколько от унижения, да на глазах парня, завопил староста. Ратник, вроде и не вопил истошно староста, с коня склонился:

– Ты чей холоп будешь?

– Охлопкова.

– А вёсен тебе сколько?

На Руси новый год исчисляли с первого марта.

– Пятнадцать.

– А на вид больше, стало быть, не хворый. В младшую дружину пойдёшь?

В младшую дружину при князе брали юношей, оружному бою учили. Как овладевал новик вверенным оружием, в боевые походы брали, но не в первую линию, а в последних шеренгах. Постепенно до опытного вояки растили. В дружинах постоянно убыль была. Кто по смерти в бою выбывал, кто по ранению, а были, хоть и редко, по возрасту. Такие при воинской избе оставались шорниками, конюхами.

Стать княжеским дружинником – мечта молодого юноши. На всём готовом – крыша над головой, еда, одежда добротная. И подчиняются только воеводе и князю. Конечно, дело рискованное, можно живот потерять. Но это дело случая. При татарских набегах, которые случались, и в полон брали, из которого никто ещё не вернулся, и убивали. Когда на потеху, а сопротивлявшихся – всегда. Аркан волосяной на шею и ну за лошадью таскать, пока кожа и мясо до кости не сотрутся.

– Пойду, – сразу согласился Федька, поклон отбил.

– К отцу-матери беги, проси благословения, – усмехнулся князь.

В согласии родителей князь не сомневался, но положено так по традициям.

– Власий, заберёшь парня. К вечеру чтобы в воинской избе были.

– Повинуюсь, княже.

Князь с воином с места сорвались. Остался Власий.

– Беги домой. Звать-то тебя как?

– Федькой.

Фёдор растерялся. Брать корзину с репой или оставить? В нерешительности взялся за ручку, а Власий головой мотает:

– Это уже не твоя забота.

Помчался Фёдор к избе, Власий не спеша за ним едет. Ворвался Фёдор в избу, запыхавшись, мать испугалась.

– Случилось что?

– Меня в младшую дружину сам князь позвал. Благословишь ли?

И на колени перед матерью рухнул. Что женщине оставалось? С уходом Фёдора в дружину на всё готовое одним ртом в семье меньше. А ещё надежда. Вырастет Фёдор, станет гриднем, поможет копейкой.

Сняла мать икону с красного угла, благословила.

– Когда отбываешь?

– Гридь Власий ждёт уже.

– Да что же ты человека в избу не пригласил, мокнуть под дождём оставил?

Собираться не надо, даже смены белья нет. Поднялся с колен Фёдор, мать крепко обнял, брата меньшого.

– Будет возможность, навещу.

– Не забывай своих корней, сынок! – напутствовала мать.

Фёдор на улицу выскочил. Гридь удивился.

– А узелок с барахлом где же?

– Всё на мне.

– Понятно. За мной на лошадь садись, едем.

Коней Фёдор любил, особенно когда в ночное гонял с парнями. Конь – животина умная. Ты к нему с добром, угостишь морковкой, и он не подведёт. Ратник коня шагом пустил. Грязь непролазная, на рыси или галопе коню не можно идти, оскользнётся, да и тяжесть двоих нести. Фёдор по сторонам поглядывал. Видит ли кто из селян, что с дружинником он едет? Как назло, никого нет, всех дождь в избы загнал.

Через время в большое село въехали, Борисово, недалеко от Серпухова, что на Оке стояло. Гридь Власий сразу к дружинной избе. Коня в конюшню завёл, расседлал.

– Сеном-то коня оботри, – указал гридь.

Это верно, негоже коню сырым стоять. У лошадей лёгкие слабые, простудиться может. Гридь рукой махнул, за собой приглашая. Воинская изба длинная, дружинников в ней много. Кто меч точит, кто в кости играет. Власий провёл его в дальний конец, представил седовласому воину. Видимо, не в одной сече дружинник участвовал, на лице шрамы, на правой руке мизинца не хватает.

– Прохор, принимай новика, князь присмотрел. Обуй, одень, учить будешь.

– Исполню. Как звать-то тебя, отрок?

– Фёдор.

– Твоё место будет, – показал на топчан Прохор. – Пока ужин не поспел, одёжу подберём. Пошли.

В избе закуток небольшой. Быстро подобрали подростку рубаху льняную, портки. Да всё новое, сухое. А уж как сапоги примерили да с подошвой из толстой свиной кожи, радости Фёдора конца не было. Всю свою недолгую жизнь босиком ходил или в лаптях. Из деревенских только у старосты сапоги были.

Напоследок пояс Прохор вручил.

– Можешь меня дядькой звать. Я над младшей дружиной наставник.

Некоторые топчаны уже заняты были такими же подростками. Князь пестовал смену и пополнение для старшей дружины. За мелкими хлопотами время ужина пришло. Все в трапезную направились. Сухо, чисто, пахнет вкусно. Длинные столы и лавки обочь. Помолившись на иконы, уселись. Еда вкусной оказалась и сытной – каша с убоиной, хлеба бери сколько хочешь, а потом сладкое сыто. Дома у мамки мясо ели редко, на праздники. После ужина у дружинников свободное время. Федька за день продрог под дождём, устал. Сколько впечатлений новых! На топчан улёгся. Здорово-то как! Топчан широкий, под крепкого мужика сделан. А в избе материной на узких полатях спал. Поневоле сравнение в голову шло. Незаметно уснул. Утром проснулся рано, как привык. За маленькими оконцами, затянутыми слюдяными пластинами, ещё темно, в воинской избе храп густой. Ещё бы – полторы сотни дюжих мужиков и два десятка новиков, у всех сон крепкий.

После подъёма молебен в домовой церкви, потом занятия начались. Новикам войлочные поддоспешники дали, на головы – бумажные шапки, из ваты, похожие на толстые тафьи. Для Фёдора непонятно. Осознал, для чего, когда во дворе раздали новикам крепкие прямые палки заместо мечей. Прохор-наставник учить стал, как оружие в руках держать, как наносить удары, как защищаться. А потом наставник новиков на пары разбил.

– Сражайтесь!

Никому неохота побеждённым быть, бились всерьёз. Стук палок во дворе стоит, вскрики. Со стороны посмотреть – потеха, парни палками дерутся. Но ни один из гридей старшей дружины не улыбнулся, все через учение прошли. Войлочный поддоспешник от ударов защищал, но всё же рёбрам доставалось, а больше всего – пальцам, кистям рук. Кожа

на пальцах уже ободрана, подкравливают ссадины, болят. Федька зубы стиснул. Ни за что противнику не уступает. Периодически Прохор к каждой паре подходит, на ошибки указывает, иной раз сам палку в руку берёт, медленно движения показывает.

– Понял ли?

Упражнения до полудня продолжались. Все вспотели, подустали. Для Федьки физические нагрузки привычные, сельский труд тяжёл, на поле неженкам не место. В полдень на обед пошли. Лапша куриная, пареная репа, хлеба вдосталь, узвар из груши-дички. О! Каждый бы день так!

После обеда небольшой передых. Один из новиков Прохора спросил:

– А когда нам шлемы и броню выдадут?

Улыбнулся Прохор:

– Не торопись, всему своё время.

Молодые, они нетерпеливые. За первые полгода службы в младшей дружине отсев был. Кого-то из-за неспособности к обучению и нагрузкам отчисляли, несколько сами ушли. Учёба, она лёгкой никогда не бывает. Только когда полгода учения пролетело, новикам дали куяки. Вроде безрукавки из плотной ткани, на которую приклёпаны железные пластины.

Фёдор спросил у Прохора, а почему не кольчуги или байданы? Куяк – броневая защита воинов небогатых.

– Э, неужели сам не догадался?

К разговору все новики прислушивались, всем интересно.

– Вы ещё отроки, растёте. Кольчуга по меркам каждого ратника делается, поскольку не рубаха, не растягивается. Стоит дорого, куётся долго, месяца три. Потому куяк. А вот шлемы вскорости получите, как и щиты.

Щиты получили, но лёгкие. У старшей дружины они деревянные, круглые, кожей обтянуты, а по краям железной полосой окованы, дабы от ударов клинков не раскололись. Шлемы подобрали по размерам, под шлемы войлочные подшлемники. Шлемы стальные, русские, шишаки, с бармицами сзади. Прикреплённая сзади к шлему кольчужка защищала шею. Вот теперь новики стали похожи на воинов из старшей дружины. Фёдору, часто вспоминавшему мать и младшего брата Ивана, захотелось покрасоваться перед роднёй, давно он их не видел, соскучился. Однако без разрешения Прохора уходить к семье побаивался. Новики меж собой говорили, что отпустят их на побывку не скоро.

После обучения мечному бою пришла пора учиться конному, владению копьём. Начинали с улицы, короткого, в рост человека, метательного копья. Когда освоили, пришёл черёд настоящего копья. Только получили учебные, без рожна, с тупым концом. Новикам коней молодых дали, двухлеток, к седлу и всаднику уже приучены. А вот держаться в строю, в колонне, разворачиваться в боевой порядок уже учились и новики, и кони. Сложно, коням и людям друг к другу привыкнуть надо, а ещё слаженность в десятке отрабатывать. В учебных боях десяток новиков с другим десятком сражался. Уже сколько синяков, шишек, ссадин в таких стычках получено – не сосчитать. Однако не роптал никто, понимали – для дела. Прохор, по вечерам делая примочки из лечебных трав на травмы, приговаривал:

– Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Постепенно сдружились, чувство товарищества появилось, выручали друг друга. Прохор ухмылялся в усы. Из деревенских парней выковывались ратники. Боевого опыта не было, так это дело наживное. Старшая дружина в боевых походах участвовала, стычки постоянно с порубежниками были. Да и как им не быть, ежели все соседи на земли Великого княжества Московского посягали. С юго-востока жадная и жестокая Большая Орда, с востока Казанское ханство, с запада поляки и Литва, да и в псковских землях разбойничал Ливонский орден.

Магистр фон дер Борх уже многие земли под себя подмял. Мало того, в Великом Новгороде заговор зрел, под Литву и Польшу откачнуться хотели. Во главе заговора новгородский Архи-епископ Феофил. И в самом Великом княжестве не всё спокойно. С приходом на престол Ивана III Васильевича братья его, удельные князья Андрей Большой и Борис Волоцкий, требуют увеличения наделов, де несправедливо старший брат земли наделил. Великий князь Иван земли собирать хотел, а не дробить. В 1464 году к Москве присоединилось Ярославское княжество, в 1474 – Ростовское. В 1472-м Иван III отправил войска на Пермь, и повод был, обидели пермяки московских торговых гостей. Рать пермская разбита была, и пермские земли подпали под великокняжескую руку.

На южных границах Московского государства была создана засечная черта, именованная «Окским береговым разрядом», тянувшаяся по реке Оке, её левому берегу. Южнее черты земли Рязанского княжества, подчинившиеся Москве в 1456 году. На границе Рязанского княжества и Дикого поля своя засечная черта есть, с заставами.

Золотая Орда после большой «замятни» развалилась на части – Астраханскую, Казанскую, Крымскую, Ногайскую, Сибирскую и Большую. Во главе Большой ярый враг москвитян, хан Ахмат. А у Ивана, Великого князя Московского, союзник только один, да и тот слабый, – крымский хан Менгли-Гирей. После развала Золотой Орды ханы Большой Орды неоднократно пытались ходить походами на Крым, подмять его под себя. Войско у Менгли-Гирея невелико, и он тоже стал искать для себя союзников, действуя по принципу: враг моего врага – мой друг.

Только через год обучения многим ратным премудростям новики влились в большую дружину. Клялись в верности на Библии князю Даниле Патрикееву, а в его лице и Великому князю Московскому Ивану III Васильевичу. После присяги торжественный молебен и обед. А уж затем Прохор распустил всех бывших новиков на свидание с семьями, дав сроку три дня. О, как ждал этого момента Фёдор! О конь, да в куяке и шлеме, оружно заявился домой. Хоть плохонько жили, голодно, да семья – это опора для любого человека, а дом – самое желанное место, как бы хорошо в других землях ни было.

Застоявшийся конь легко нёс свежеиспечённого гридя к деревне. Родная изба показалась маленькой, покосившейся. На стук копыт выскочил на крылечко брат Иван. Тоже вырос, в плечах раздался, ещё годик и тоже можно в новики определять. Обнялись братья, да так и стояли несколько минут недвижно.

– Мамка где?

– Где ей быть, у печи. Немного ржаной муки удалось купить, хлеб печёт, слышишь, как духовито пахнет?

Из приоткрытой двери в самом деле пахло хлебным духом. Посожалел Фёдор, что не удалось никаких подарков привезти, да на что? По паре медяков выдали, их и вручить хотел. Ворвался в дом, мать с испуга едва деревянную лопату не выронила, которой тесто в печь сажала. Обхватил её крепко Фёдор, мать заплакала.

– Уехал и как пропал. Ни весточки не послал с оказией – жив ли? Дай на тебя погляжу.

Отстранилась, оглядела.

– Вырос-то как! И одёжа справная! Здоров ли?

– Здоров, матушка! А оказии, весточку передать не случилось. Ноне не новик я, гридь в старшей дружине князя.

– Дай-то Бог, служи верно.

– А ты здорова ли? Не обижает староста?

– Бить не бьёт ни меня, ни брата твоего, видимо, опасается. А по мелочи пакостит. То недоимку запишет, то на дальний огород пошлёт, куда идти полдня.

– Я поговорю с ним.

– Ох, не надо! Пожалуется Охлопкову, быть беде.

Но староста сам напросился. К вечеру Фёдор прогуляться по деревне пошёл. Пусть девки посмотрят, позавидуют. А никого и не видно. На околице староста встретился. Хихикнул мерзко:

– Ишь, вырядился, ровно скоморох! Голь перекатная!

Вскипел Фёдор, старые обиды вспомнил. Кулачному бою уже обучен. Ударил кулаком под дых, согнулся староста от боли, дыхание перехватило. Фёдор его за воротник схватил, потащил от деревни. Неподалёку овраг был, селяне мусор туда выбрасывали, натуральная помойка. По дороге оглянулся, не видит ли кто? Староста в себя пришёл, понял – не совладать с Фёдором, окреп в гриднях, мышцы силой налились, испугался за жизнь свою.

– Феденька, ты что делать со мной хочешь?

– В мусоре али в навозе утоплю. Воздух в деревне чище будет.

– Ох, не бери грех на душу!

– А сам-то, когда селян обижаешь, о грехе думаешь?

Вот уже и край оврага, глубок он, внизу ручей течёт. По крутым склонам выбраться не просто, да ещё как бы и шею не свернуть при падении.

– Читай молитву, паскудник! – сказал Фёдор.

В глазах старосты отчаяние, страх. Гридь под княжеской рукой. Если побьёт, а видаков нет, жаловаться бесполезно.

– Помилуй, Феденька! – взмолился староста.

Хотел Фёдор удавить старосту, даже писка никто не услышал бы. Да опасался. Составит боярский сын Охлопков два события – приезд Фёдора и убийство старосты, поймёт, чьих рук дело. Доказать сложно будет, но разбирательство последует. И не за себя боялся, за мать и меньшого брата. Староста на колени рухнул.

– Пощади!

– Пёс шелудивый, – пнул его Фёдор. – Коли мать или брата обидишь ещё, жить тебе останется ровно до моего приезда в деревню.

Грозный прежде староста сломался, стал сапоги Фёдору целовать.

– Живи, жук навозный, но слова мои помни, слово своё сдержу!

Фёдор повернулся и к избе направился. Настроение после встречи испортилось. Как стемнело, спать улёгся. Следующий день воскресенье, нерабочий. Кто-то из деревенских в соседнее село пошёл, в церковь и на торг, другие домашними делами заняты. Летом у селян свободного времени мало. На барских огородах работать надо, с личным хозяйством управляться – куры, свиньи, у некоторых и коровы. Эти уж богатеями местными считались.

Фёдор знакомых обошёл, девкам показался, ноне он жених завидный, перед парнями одеж-дой да бронёй похвастался. Не всех в гридни берут, даже если желание есть. А вот глянулся он князю.

А на следующий день в полдень обнял маманю и брательника, кончилась побывка. Коня погнал, дорога сухая, тепло, ветер в лицо бьёт, хорошо!

В воинской избе суета. Фёдор уже в большой дружине, не под Прохором. Но первым встретил его.

– День добрый, дядька Прохор. Чего случилось-то? Почему сумятица?

– Хан Ахмат с ратью по рязанским землям идёт. Князь приказал дружине в поход собираться.

О, как вовремя Фёдор подоспел. Перемётная сума уже готова. Копьё взял, щит к задней луке седла приторочил, мечом опоясался. А уже труба ревёт, объявляя построение. Коня вывел, потолкался немного, пока своё место в десятке нашёл. Десятник Тимофей Бармин вдоль строя ратников прошёлся. Все ли на месте, в порядке ли оружие, да кованы ли лошади?

После осмотра к сотнику побежал на доклад. Войско уходило не всё, только сотня. Ещё полсотни оставалось вместе с младшей дружиной, куда новиков набрали. Молодые парни на ратников с завистью смотрели.

– На конь! – раздалась команда.

Выдвигались десятками, выстраивались в колонну. Впереди сотник Евграф Пыльцын. Его дело сотню к Коломне привести, к месту сбора главного войска.

Наущаемый и подстрекаемый Литвой, хан Ахмат, собрав большое войско, двинулся из Дикого поля на Русь. Заняв правый берег Оки, стал дожидаться подхода союзников – злокозненной Литвы. От места бивака во все стороны разъезжались небольшие отряды поганых, совершали налёты на сёла, грабили и жгли, занимались привычным делом. Ну не работать же воину? Нашествие началось в июле.

Подчиняясь приказу Ивана III, который прибыл в Коломну, воевода Алексина Семён Беклемишев вывел рать из города и переправил на левый берег реки, фактически бросив город. Татарские разъезды тут же донесли хану, что город без защиты. Окружённый деревянным тыном, оставшись без ратников и пушек, город сумел продержаться в осаде три дня, с 29 по 31 июля. Горожане бросали со стен камни, лили кипящую смолу и кипяток. Теряя воинов, хан обозлился, приказал сжечь город. Обычно это было не в правиле ордынцев. Сначала надо захватить город, взять трофеи, пленных, а потом жечь можно. Приказ исполнили в точности. Сотни лучников стали пускать на город стрелы с горящей паклей. Деревянный город вспыхнул сразу во многих местах. Когда прогорела и обвалилась часть деревянного тына, окружавшего город, горожане предприняли попытку спастись. Выбегали из огненного пекла, где от дыма и жара дышать уже было нечем. Татары их секли саблями нещадно. Дым от пожара был виден за много вёрст в округе.

Для Фёдора, неискушённого в битвах, было удивительно, почему великий князь собирает рати не в Серпухове, от которого Алексин близко, а в Коломне, от которой до татар почти сотня вёрст. Ратники на привале баяли, что Иван Сутулый, как прозвали в народе Ивана Васильевича, перекрывает татарам дорогу на Москву. В Коломне в большом лагере на лугу, под стенами городской крепости, несколько дней простояли. Задержка была вызвана тем, что ждали подхода Юрия Васильевича, брата Великого князя, с ратью и пищалями. В лагере Фёдор в первый раз увидел Великого князя.

Иван III был старшим сыном Великого князя Московского Василия II Тёмного и дочери серпуховского князя Марии Ярославны. Отличался Иван осторожностью, был скрытен, властолюбив, обладал железной волей, крутым нравом и холодным умом. Внешне худощав, высок, красив лицом, был сутул, за что в народе его прозвали Сутулым, а иные Горбатым.

Великий князь был окружён воеводами, располагался в большом походном шатре. Фёдор видел его мельком. Хотелось рассмотреть, да князь проехал быстро. Наутро после подкрепления ратью Юрия Васильевича войско выступило в поход. До ратников уже доносились слухи, что татары подступили к Тарусе, от которой до Серпухова один дневной переход. Коней гнали быстро. Фёдор со своим десятком в конце большой колонны, где из-за пыли, поднятой множеством копыт, не видно ничего и чихать хочется.

Пока добрались до Серпухова, пропылились изрядно. И здесь, на въезде к лагерю, Фёдор увидел татар, довольно близко. Запаниковал, за меч схватился. Но тревога оказалась ложной. Вместе с князем Андреем в поход против ордынцев отправился казанский царевич Муртаза во главе нескольких сотен своих воинов. Глаза раскосые, лица скуластые, вислые усы, у всех воинов луки с колчанами за плечами, сабли на поясе, на головах шлемы – мисюрки. Поди отличи казанского татарина от ордынца. Позже уже различал, у ордынцев лица смуглей, степной загар жёсткий, медью отливает.

После ночёвки Великий князь распорядился войско вдоль Оки распределить. У Ахмата сто путей, поди узнай, какой дорогой он отправится. Главная задача русских ратей – не дать

татарам переправиться. Ока широка, судоходна. Татары по своему обычаю пользуются на переправах надутыми бурдюками. Ширина реки ещё одно преимущество даёт, татары по своему обыкновению перед боестолкновением врага градом стрел осыпают. Боя ещё нет, а противник уже потери несёт в людях и конях, морально подавлен.

Пушкари пушечных нарядов пушки и пищали у возможных переправ установили за бревенчатыми засеками. Переправа не в каждом месте возможна. Наиболее удобные места там, где оба берега пологие, конь не может с воды на кручу влезть. А бродов в этих местах Ока не имела.

Великий князь распорядился на правый берег переправиться с ратями воеводам Семёну Беклемишеву и Петру Фёдоровичу. Разведку боем провести, татар побеспокоить, силу явить. На Оку явились почти все, которые собрать удалось, силы. Полтораста тысяч ратников – конных и пеших, пушкарей и стрельцов. Одна незадача, по фронту, по левому берегу, растянуты.

Татары Ахмата, ожидая подхода войска литовского, от открытого боя до поры до времени уклонялись. Разъезды басурман всё время в отдалении маячили, следили за русскими, но не приближались. Хан выжидал, но спустя пару недель понял, что союзники не придут. Располагая силами значительными, до восьмидесяти тысяч сабель, решил начать активные действия. Его дозоры начали обследовать берега в поисках удобного места для переправы.

Сотню, где служил Фёдор, отправили к месту, где переправа возможна. Оба берега низкие, поросшие камышом. На берегу укрыться негде, ровный луг, только вдали лес виден. Хоть и устали после перехода, а служба первым делом. Сотник Пыльцын распорядился валить деревья, перетаскивать хлысты лошадями, делать засеку из брёвен. Засека и укрытие даст, и сделает невозможным лобовую конную атаку, если татарам переправиться удастся. Степной конь размером меньше русского, засеку перепрыгнуть не сможет. Татары – народ степной, плавать не умеют. Водные преграды преодолевали, одной рукой держась за хвост коня, другой за надутый бурдюк. Плохо, что в сотне Пыльцына только пяток гридей имели луки, остальные – мечники. Лук – оружие дорогое, к тому же владеть им не просто, нужна долгая практика. Татар сажали на коня сызмальства, давали маленький лук. Когда мальчишка вырастал до воина, он уже был лихим наездником и луком владел мастерски.

Но на следующий день к сотне Пыльцына прибыл отряд пушкарей с тюфяками. Целый обоз, поскольку пушки перевозились на телегах, так же как и порох в бочонках и принадлежности. Тюфяки – короткоствольные, крупного калибра, стрелявшие камнями или свинцовым дробом на небольшие, до двухсот шагов, дистанции, вселили в сотню уверенность. Пушкари поставили тюфяки за брёвнами, проделав небольшие амбразуры для стрельбы. Старший из пушечного наряда к урезу воды отошёл, засеку осмотрел, кивнул удовлетворительно. Пушек не видно, для татар «сюрприз» будет.

Через два дня на правом берегу реки показался ордынский разъезд. Выехали, постояли, пустили в сторону засеки несколько стрел. Долетела только одна, на излёте ударила в бревно, даже не воткнулась, упала. Ратники осмелели, выскочили, стали неприличные жесты показывать. Татары злобно щерились, проводили ладонью по шее, дескать – резать будем, когда время придёт.

Уехали и через какое-то время вернулись, но уже числом поболее. И похоже – с начальником, мурзой, поскольку один из воинов держал на конце копья, поднятого вверх, бунчук. У каж-дой татарской сотни или тысячи бунчук имел свой цвет, бунчуком отдавали команды, а ещё по бунчукам на поле боя хан мог видеть расстановку сил. У русских ратников вместо бунчуков был прапор, знамя. У сотни небольшой, а у всего войска великокняжеский, чёрный, с вышитым золотыми или серебряными нитями ликом Иисуса Навина.

Абсолютно не остерегаясь, мурза заехал в воду, коню по брюхо, осмотрелся. Такой бесцеремонности русские стерпеть не смогли. Пыльцын к старшему пушкарю подбежал.

– Чего смотришь? Стрельни по мурзе!

– Это мы мигом, лишь бы команда была.

Тюфяки уже заряжены, жаровня с углями рдеет, в ней запальники калятся. Пушкари подправили прицел на тюфяке, поднесли запальник к затравочному отверстию с порохом. Выстрел! Засека пороховым дымом окуталась. Когда чёрное облако в сторону сместилось, стало видно, как по течению убитая лошадь плывёт, а татары из воды труп мурзы вытаскивают. В злобе стрелы в сторону засеки пускать стали, но дальность велика, стрелы на излёте падали, вреда не причинив. Погрозив кулаками, ордынцы уехали. Старший пушкарь Трофим посожалел.

– Зря пальнули.

– Это почему же? – вскинулся Пыльцын. Мурзу убили!

– Теперь татары знают, что пушки у нас есть.

– И хорошо, в другом месте переправу искать будут. А то и вовсе не полезут, побоятся.

Слова Пыльцына не оправдались. За потерю мурзы татары решили поквитаться. С ведома хана или самовольничали – неведомо. А только далеко за полдень прискакала сотня. С ходу лошадей в воду погнали, сами рядом плыли. Пушкари засуетились. Тюфяки начали палить по целям в воде. Татарам не укрыться, свинцовый дроб хлестал смертоносным дождём по головам людским и конским. Вода в реке покраснела от крови. До левого берега никто не добрался, лишь несколько всадников, видя бесславную гибель сотни, кто не успел войти в реку, коней повернули. Нахлёстывали их под улюлюканье русских ратников. Трупы лошадей и ордынцев поплыли по течению. Даже когда пальба стихла, пушкари орудовали у тюфяков – чистили банниками стволы, заряжали, дабы готовыми быть к отражению новой атаки, доведись татарам сунуться. Через время прискакал посыльный.

– Князь Верейский интересуется, что за пальба была, не нужна ли помощь?

– Не нужна! – солидно ответил Пыльцын. Князь вскоре сам увидит окаянных.

Войска князя располагались немного ниже по течению Оки и должны были увидеть проплывающие трупы. Посыльный, успокоенный словами сотника, тут же умчался. Пушкари довольны, хорошо свою ратную работу сделали. А ратники досадуют, не пришлось с погаными биться. Фёдор, как и многие молодые гриди, жаждал схватиться с ордынцами. За ужином сотник сказал:

– Достанется ещё на вашу долю, мало не покажется.

Слова сотника оказались пророческими. На следующее утро на другом берегу показался ордынский разъезд. К урезу воды подъехали, наблюдали за засекой на другом берегу.

– Парни, не показывайтесь. Окаянные счесть вас хотят, так пусть в неведении будут.

Неожиданно на правом берегу со стороны деревни Юдинки показался небольшой отряд русских ратников. Как позже выяснилось, из рати воеводы Петра Фёдоровича, посланного на правый берег. Разъезд татарский сразу на них поскакал, только сабли засверкали. Сеча началась, да в виду гридей за засекой. Десятники к Пыльцыну кинулись.

– Евграф, дозволь помочь?

Медлил сотник. Засеку оставлять основным силам нельзя. Но и своих бросать в беде негоже, не зря у ратников клич есть – «за други своя»!

– Дозволяю десятку переправиться.

Евграф десятников обвёл глазами. Ткнул пальцем:

– Тебе. Бог в помощь.

Перст сотника указал на Тимофея Бармина, в чьём десятке Фёдор служил после младшей дружины. В десятке трое из новиков, остальные с опытом боевым, зрелые мужи. Мигом на коней взлетели – и в воду. Вода уже коням по грудь, Фёдор с лошади слез, плыл рядом, держась за луку седла. Самому бы, без поддержки, не выплыть. Оружие, шлем, броня – боевое железо тянуло вниз. Наконец кони выбрались на берег. С коней, с ратников вода ручьём

текла. Не мешкая, вскочили на коней, и вперёд. Разъезд ордынский в клещах оказался. Русские впереди и сзади. Часть татар коней стала разворачивать, чтобы лицом встретить гридей. Рубка пошла яростная. Татарам отступать уже невозможно, за жизни свои дерутся. С прибытием подкрепления силы противников уравнялись. Первого своего противника Фёдор одолел быстро, ажно сам удивился. Вначале мечом расколол щит татарский – лёгкий, дерево кожей обтянуто, а окантовки нет. Меч не только щит расколол, но и пальцы на кисти татарину отсёк. Ордынец под второй удар саблю подставил. Удобна сабля в маневренном бою и когда щит есть. А против тяжёлого русского меча слаба. Каждый удар меча саблю в сторону отшвыривал, так что татарин едва в руке её удерживал. Слабеть ордынец стал, кровушка из обрубков пальцев хлещет. Изловчился Фёдор, привстал на стременах, сверху мечом ударил ордынца по плечу, располовинив врага до пояса. Остёр и тяжёл меч, жаль только – конец скруглён, колоть им нельзя, в отличие от иноземных.

А рядом другой поганый зубы скалит, в схватке бывшего новика, молодого гридя из десятка Тимофея сразил. С ним зачал сражаться Фёдор. Изворотлив татарин, опытен. Стоит Фёдору удар нанести, как сам ордынец сабелькой в ответ бьёт. И колющие, и режущие удары наносит. Щит выручал да куяк. Кольчугу так сковать кузнец не успел, только мерки снял. Фёдор удар нанёс, мощный, сверху. Татарин удар на щит принял, трещину щит дал. Ордынец из-под щита саблей кольнул. Клинок по пластинчатому железу скользнул, бок слева болью обожгло. Фёдор меч не вскинул, а вперёд клинком выпад сделал. Конец клинка скруглён, однако в лицо татарину попал, кровь хлынула из носа и глазниц. Взвизгнул по-бабьи татарин, в седле назад откачнулся, а Фёдор уже рубящий удар по бедру нанёс. Меч кость легко перерубил, как хворостину на тренировке.

Татарин от болевого шока замер в седле, единственный правый глаз прикрыл. Фёдор ещё удар нанёс, уже по шее, голову срубил. Обернулся в поисках противника, а бой почти закончен. Ратники добивают несколько ордынцев. Тимофей десятник кровью забрызган, вид страшный, глаза бешеные.

– Ты как, Фёдор, не ранен?

– Левый бок поранен, но крови мало.

– Сымай куяк, посмотреть надо.

Стянул Фёдор куяк. Защита не самая хорошая, пластины к ткани прикреплены, а всё же от смерти уберёг. Между пластинами на ткани разрез длиной в ладонь, на коже слева, на уровне последнего ребра рана, но не глубокая.

– Повезло тебе, парень. Из боевого крещения с царапиной вышел. На засеку вернёмся, мхом толчёным присыпем да перевяжем. Заживёт как на собаке.

Бой закончился полной победой. Татары же порублены, но потери и с нашей стороны есть. В десятке Тимофея двое убитых и оба из молодых. В отряде воеводы Петра Фёдоровича потери серьёзней, они приняли на себя превосходящие силы ордынцев, пока на помощь десяток Тимофея не подоспел. Обнялись в знак признательности и боевого братства.

– За помощь в трудную минуту благодарствуем, – благодарили ратники.

Своих убитых гриди на коней погрузили, поперёк седел. С превеликим трудом через реку переправили. Лопатами, что у пушкарей взяли, одну могилу на двоих вырыли. Тимофей сказал:

– Ещё повезло парням, упокоены по христианскому обычаю. Бывает, что и на поле бранном оставлять приходится, когда противник ломит и отходим.

Сотник, как старший, молитву счёл. Фёдору не верилось в смерть парней. Год с ними в младшей дружине был, сегодня утром из одного котла по очереди ложкой кулеш хлебал. И вот их нет, а он жив. Пока могилу рыли, Фёдору рану мхом присыпали, чтобы воспаления не было, да перевязали чистой тряпицей. Каждый ратник в перемётной суме возил полоски

чистых тряпиц, маленький узелок с толчёным мхом, а ещё кривую иглу и суровые нитки – рану шить, если глубокая. И шили не хуже лечцов, не одну жизнь тем спасая.

Фёдор в реке обмылся, мокрой тряпицей куяк обтёр, привёл себя в относительно приличное состояние.

За следующие два дня ордынские разъез-ды показывались, но не приближались. Видимо, проверяли, стоят ли ещё русские ратники. А потом пропали. Через несколько дней сотник Пыльцын обеспокоился:

– Не в другом ли месте переправу готовят? Или затишье перед бурей?

А через несколько дней на заставу прискакал посыльный.

– Великий князь повелел войскам к Серпухову отходить.

– Как так?

– Уходят татары. Вчерашним днём снялись с лагерей, через рязанские земли в полуденную сторону направились.

Скорее всего Иван Васильевич сомнения имел. Не обманный ли ход ордынский. Сделают вид, что возвращаются в Дикое поле, а сами в другом месте удар нанесут. За татарами в отдалении следовали русские дозоры. Великий князь войско не распускал, а передвинул к Серпухову. Изменят ордынцы маршрут, повернут к Коломне или с востока зайдут, от Серпухова рати перебросить быстрее.

Рати встали под Серпуховом. В городе разместились только Великий князь и воеводы. Город невелик и войско разместить не в состоянии. Да люди-то ещё ладно, лошади проблему создавали. Лагерь ратников раскинулся на несколько вёрст на лугу. Держать огромное войско со многих земель удельных княжеств затратно и хлопотно. Через неделю, когда русские разъезды подтвердили, что ордынцы уже далеко, Великий князь объявил о роспуске войска. Поблагодарил воевод, пир устроил. Всё же без сечи обошлось и почти без потерь. Собрать сто пятьдесят тысяч воинов, причём очень быстро, стоило больших трудов. Ведь всё население Московии составляло три миллиона. Правда, не учитывалось монашество, женщины и дети.

Рати разъезжаться стали. Кому далеко, во Владимир, кому поближе – в Ярославль, а кто и от воинской избы недалеко, как сотня Пыльцына. Без трофеев и победы возвращались, но настроение хорошее, песни пели, всего двое в потерях числятся. А случись большая сеча, расклад иной был бы. Застоявшиеся кони бежали легко и уже в полдень прибыли к воинской избе. Пару дней сотня себя в порядок приводила. Чистили лошадей, чинили сбрую, сами баню приняли, одежонку постирали. После ночёвок в чистом поле, когда вместо подушки перемётная сума, а вместо матраца голая земля, в воинской избе хорошо.

Через несколько дней радостное известие. Из победного похода на Великую Пермь вернулось войско Стародубского князя, воеводы Фёдора Давыдовича Пёстрого. Посланный Иваном Васильевичем на Пермь в сече разгромил дружину и ополчение Великого князя Пермского Михаила Ермолаевича. На притоке Пакчи поставил крепость русскую с гарнизоном. Снова приросло государство Московское землёй и подданными.

А через месяц в дружину приехал подьячий Иноземного приказа. Сроду в дружине таких гостей не было. Сотник дружину построил, не только ратников, но и коней. Ратники шушукались меж собой.

– По какому поводу смотр?

Ответа не знал никто. Обычно смотры устраивались перед большими походами, выявить недостатки.

К ратникам вышли сотник и подьячий. Гость внимательно смотрел на стать ратников, на лица. Гридям странно. Обычно проверяли оружие, броню, подкованы ли кони? Подьячий ткнул пальцем в Фёдора и его соседа.

– Ты и ты, выходи. Остальные свободны.

Фёдор почувствовал себя неуютно. Вроде вины за собой не чувствовал, а подьячего допрежь не видел никогда и случайно обидеть не мог.

Сотник распорядился:

– Утром с подьячим в Москву выезжаете, не посрамите там. Скажем – нос рукавом не вытирайте да опрятны будьте. Степан, чтобы сапоги чистил, есть за тобой грех.

Подьячий, когда утром в путь тронулись, ехал на возке, за ним двое гридей. На одной из остановок подьячий Гордей Захарович пояснил:

– Великий князь одну особу ждёт, сопроводить её надо от новгородских земель. Да чтобы ратники статью вышли, да на одно лицо.

Фёдор и второй ратник, Степан, переглянулись. В самом деле похожи. Оба молоды, русоволосы, носы прямые, греческие, голубоглазы.

А готовился князь встречать свою будущую супружницу Софью. Первая жена Мария Борисовна, подарив Ивану Васильевичу сына, тоже Ивана, прозванного Молодым, умерла. Прознали в Риме, что государь Московский жену подыскивает. В голове папы римского Сикста IV сразу возник коварный план – выдать замуж за Ивана Васильевича Софью, дочь деспота Мореи, провинции Византийской, Фомы Палеолога, племянницы последнего Византийского императора Константина XI. Сикст был приверженцем унии, объединения католиков и православных, конечно, под властью папы. В 1453 году османы с боем взяли Константинополь, столицу Византии. При штурме император Константин погиб. Через два года в семье Фомы родилась дочь, при рождении названная Зоей. В семье были ещё два мальчика – Андрей и Мануил. В 1460 году султан османов Мехмед II захватил Морею и столицу её Мистру. Фома с семьёй кружным путём перебрался в Рим, где вскоре вместе с семьёй принял католическую веру для поддержки папы римского. Довольно быстро скончался вслед за матерью Зои.

Папский престол назначил Зое опекуна – кардинала Виссариона Никейского. В ту пору Зое было всего 10 лет, при переходе в католицизм ей дали имя Софья. Кардинал занялся образованием осиротевших детей, тем более что папский двор выделял для этого ежемесячно двести дукатов. Были наняты учителя латинского и греческого языков, словесности, а ещё лекарь и слуги. Фома Палеолог, покидая родную Мистру, захватил обширную библиотеку – старинные свитки, папирусы, книги.

Ивану Васильевичу на момент смерти жены было 27 лет. К Великому князю поторопился папский посол с предложением жениться на Софье. Предложения были и из других дворов Европы. Но Иван Васильевич был честолюбив и возможность жениться на внучке императора Византии, православного центра, ему польстила. Случилось это в 1469 году. Великий князь возжелал увидеть Софью, посол, грек Юрий, пообещал доставить парсуну с её изображением. Вместе с греком в Рим отбыл посол Ивана Васильевича именем Иван Фрязин. Кстати, коварные латиняне благоразумно умолчали, что Софья приняла католицизм. Папа римский принял Фрязина, папский двор даже дал ему разрешение ходить два года беспрепятственно по землям, которые папству присягли. Фрязину вручили художественный портрет Софьи. Иван сверил, схож ли портрет с оригиналом, сходство его удовлетворило, с чем и отбыл в Москву. Софье тогда было 14 лет. Невысокая, 160 см ростом, миловидная брюнетка. Когда Фрязин показал Великому князю по прибытии в Московию портрет, был шок. Не было на Руси в те времена светской живописи. Бояре и сам Иван Васильевич приняли портрет за икону. Лик Софьи Великому князю понравился, и он дал согласие. Переговоры шли три года, всё же расстояние от Москвы до Рима большое, сношение происходило посольствами, на лошадях.

Уже первого июня 1472 года в базилике Святых епископов Петра и Павла в Риме состоялось заочное обручение Ивана III и Софьи Палеолог. Папа римский дал приданого шесть тысяч золотых дукатов. Высокопоставленных гостей было много, не каждый день бывают

династические браки. Невесте на тот момент едва исполнилось 17 лет. Великого князя представлял Иван Фрязин. Не мешкая, выехали большим обозом. В свите Софьи Юрий и Дмитрий Траханиот, князь Константин, Дмитрий как посол её братьев – Андрея и Мануила, Косспан Грек, папский легат Антоний Бонумбре и епископ Агчии, а также слуги. А ещё на нескольких возах библиотека, которая в дальнейшем станет основой для библиотеки Ивана Грозного, внука Софьи.

Маршрут пролегал через север Италии в Германию. Обычно оттуда ехали сухопутным путём через Польшу. Но, поскольку у Казимира IV были с Иваном Васильевичем отношения натянутые, даже враждебные, в порту Любек Ганзейского союза, куда прибыли первого сентября, погрузились на корабль.

Одиннадцать дней плыли по Балтике и вы-грузились в Колывани. Снова обозом к Чудскому озеру, где на берегу их уже встречали псковские бояре и любопытный народ. Софью и всех людей из обоза переправили на лодьях через озеро, привезли в Псков, где встретили как дорогих гостей. Софья отдыхала всего сутки, хотя путь был утомительный. Но следовало поторапливаться, начиналась осень с её дождями. А Русь не Рим с его мощёными дорогами. Следующим городом был Великий Новгород. Ещё республика, но гнул его под себя Иван Васильевич. Партия сторонников Москвы Софью встретила торжественно. И вновь на отдых один день. Софья хоть и молода была, понимала – следует поторапливаться. Обручённая невеста ещё не жена, не венчана. Одно обручение у неё уже было, браком не закончившееся.

Когда сборная полусотня выехала из Москвы, на первом же привале подьячий сказал:

– Будущую Великую княжну встречать едем. Потому одёжу в чистоте держать и ни одного грубого слова. И глаза на невесту княжескую не пялить!

Фёдор уже обратил внимание, что ратники похожи друг на друга. Видимо, Иван Васильевич невесту удивить хотел, но позже Фёдор понял, ратники не только почётный конвой и охрана, но и рабочая сила. Полусотня встретила обоз Софьи на новгородских землях. Новгородцы, сопровождавшие обоз, с радостью повернули обратно. Уже начались дожди, дороги развозило. Приходилось нескольким ратникам спешиваться, втроём-вчетвером вытаскивать, а то и десятком. Поднимали телегу целиком, выносили из грязи. Фёдор несколько раз видел мельком Софью. Большого впечатления не произвела. Видел он девок и покраше. Да ещё и епископ Агчии, ехавший в одной кибитке с девушкой, постоянно задёргивал шторы.

Недоволен епископ был скверной, холодной, дождливой погодой, отвратительными дорогами, а пуще того – поведением Софьи. Как только девушка въехала в пределы Московии, характер проявила – заявила епископу, что возвращается в православие и католических обрядов исполнять не будет. Кардинал Виссарион Никейский, как и епископ Агчии, пребывали в шоке. Принудить Софью невозможно, она невеста Великого князя. Если пожалуется, можно и голову потерять, потому как крут в гневе Иван Васильевич. Да и склонить государя через брак к католической вере не получится. Пока кардинал Виссарион размышлял над ситуацией, епископ пытался Софью образумить.

Для Фёдора, как и других ратников, путь до Москвы получился нелёгким. Сначала телеги и возки приходилось из грязи вытаскивать, потом морозы начались, снег пошёл. На колёсах совсем плохо передвигаться стало. Однако Иноземный приказ не подкачал. В сотне вёрст от Москвы навстречу санный обоз. День ушёл, чтобы имущество на сани переложить. Мало того что личные вещи, так и ещё библиотеку со всем тщанием перекладывали и укрывали. Многие книги и все свитки рукописные воды боятся. А ещё холодно. Выезжали из Москвы ратники по ранней осени, одежда лёгкая, а возвращались уже по зиме, ноги в лёгких сапогах мёрзли. Только что отогревались по пути в воинских избах или на постоялых дворах. Хоть и снег, а льда крепкого на реках не было. По льду ехать хорошо, ровно, не трясёт. А по замёрзшей комками земле под снегом полозья саней подпрыгивали, того и гляди, возок или кибитка перевернётся.

На остановках в сёлах в возки нагретые камни в жаровнях меняли, дававших хоть какое-то тепло. Софья, как и все сопровождающие, южане. Для непривычных к снегу и морозу условия суровые. Ратники посмеивались.

– Это они ещё крещенских морозов не видали.

Тем не менее с трудностями, но обоз проходил за небольшой осенний световой день по пятнадцать вёрст и в начале ноября въехал в Москву под перезвон церковных колоколов. Отряд ратников довёл обоз до Неглинки, а тут уже и бояре встречают, и знатные люди. Подьячий Гордей Захарович ратников попридержал.

– Кончилась ваша работа, парни.

Прибыли в воинскую избу, заночевали, поскольку новых распоряжений не поступало, разъехались по своим дружинам.

Венчание Софьи и Ивана Васильевича состоялось 12 ноября. Митрополит Филипп, заподозрив в ней «агента» латинян, тем более окружение было католическим, отказался проводить обряд венчания, церемонию проводил епископ Осия.

Брак оказался долгим и прочным. Софья родила Ивану 12 детей, первые четыре девочки. Родившийся в марте 1479 года мальчик Василий впоследствии стал Великим князем Московским Василием III, отцом Ивана Грозного. Многое сделала для Московии Софья. Благодаря ей византийский двуглавый орёл перекочевал на герб и флаг России. Она стала приглашать на Русь иноземных архитекторов, ювелиров, мастеров монетного дела, оружейников, врачей. Для строительства Успенского собора был приглашён Аристотель Фиораванти, начавший строить из белого камня. С её подачи московские правители стали называться царями. В договоре с императором Священной Римской империи Максимилианом I Василий в 1514 году впервые именуется императором русов, что дало через два века Петру I именовать себя императором.

Довольно быстро после венчания Софья уговорила мужа Ивана не платить дань Орде. Шесть лет Московия не платила дани, что вызвало гнев хана и новый поход на Москву уже в 1480 году.

Глава 2
Десятник

Дань – ярмо тяжёлое. Княжества русские начали платить дань после захвата Руси Батыем, с 1245 года. Дань исчислялась в зависимости от населения удельных княжеств. Единицей налогообложения считались крестьянское хозяйство, ремесленный двор. От дани освобождались церкви и монастыри. Для переписи населения на Русь прибыл битекчи (главный писарь) Берке, а с ним тысяча всадников под командованием Неврюя. С каждой сохи или двора исчисляли по полугривне серебром, или рубль, поскольку гривну рубили. На Руси тогда обращались три разные гривны по весу – Киевская, Новгородская и Московская. Рубль исчислили как половину Новгородской гривны, весил рубль сто граммов серебра. За рубль можно было купить сто пудов ржи. Главная незадача – Русь не имела своих серебряных рудников, серебром расплачивались иноземные купцы из Азии, Европы. Поэтому торговых людей, называемых гостями, привечали. За обиду гостей спрашивали строго, а за грабёж торгового обоза наказание было одно – смертная казнь.

Причём правило это соблюдали и монголы и русы. При Дмитрии Донском, в 1328 году, Великий Новгород платил две тысячи руб-лей, Великое княжество Владимирское пять тысяч, Суздальское княжество полторы тысячи, а Московское 1280 рублей, Городец 160 рублей, а Вятка 128. Всего монголы получали ежегодно приблизительно полторы тонны серебра. Для Руси – тяжёлая ноша. Фактически Орда позволяла жить, но не развиваться. С ростом населения и дворов дань увеличивалась, по монгольской переписи в начале правления Ивана Васильевича население составляло три миллиона человек в Великом княжестве Московском.

Зиму Фёдор провёл на заставе у засеки, на Окском береговом разряде. Вдоль реки, по берегу, тропинка вьётся, набитая копытами коней ратников с заставы. Хоть и под снегом она, а всё равно по ней ездили. Зимой река подо льдом, по ней вместо судов санные обозы ходят. Летом с юга, со стороны рязанских земель, татары подойти могут. А зимой окаянные по юртам сидят, кумыс пьют. За редким исключением зимой, по глубокому снегу, войска ходят, тяжко и людям, и коням. Зато любую реку по льду перейти можно, да нет зимой врага. Но служба обязывает, каждое утро после завтрака с заставы в обе стороны дозоры отправлялись, по пятнадцать вёрст в одну сторону. Возвращались на кордон замёрзшими, усталыми, голодными. На конях хоть и попоны, а тоже в тёплую конюшню тянутся. После целого дня на ветру и морозе славно у печи согреться, кулеша горячего похлебать. Дело заставы – врага обнаружить. Если рать малая – задержать, а ежели целое войско, гонца к воеводе в Серпухов отправить, а самим следить, куда противник направляется, да какими силами. Рязанцы с Москвой замирились, как татары либо поляки появлялись, сразу гонца слали. И первый удар на себя приходилось принимать серпуховской или коломенской дружинам, московские-то полки не скоро подойдут. Обычно воеводы наготове были, поскольку опрашивали в летнее время купцов, которые в полуденную сторону с обозами ходили – в Крым, в Сарай. Те вроде лазутчиков были. Проезжая по Перекопу, а потом по пути видели, есть ли войска поганых, да пасутся ли стада в степи? Перед большим походом стада отгоняли в стороны, чтобы траву не съели, дабы лошади всадников могли прокормиться. А ещё расспрашивали – какие слухи на местных базарах ходят?

О конспирации, секретах в Орде понятия были смутные, и слухи на пустом месте не рождались. Собрать большую армию для похода – дело сложное и небыстрое, заранее рассылались по всем улусам ордынским послания, а ещё сос-тоялся сбор темников и тысячников.

Фёдор со товарищи отбыл службу на заставе до весны. Солнце пригревать начало, снег таял. А потом с грохотом стали ломаться льдины. Всё, теперь ни конному, ни пешему хода через реку нет, да и на лодке не переправиться. Сначала ледоход пошёл, потом половодье. По воде мусор, поваленные деревья плывут. Ни судов на реке, ни лодок. С чувством выполненного долга и предвкушением отдыха в воинской избе ратники отправились в Борисово. Отмылись, перековали коней, отдохнули.

Летом службу нести проще. Одежда легче, движений не сковывает, ноги не мёрзнут. И лошадям на заставе раздолье на свежей траве. А в начале осени, 12 сентября, как гром среди ясного неба. Умер удельный князь Дмитровский, Можайский и Серпуховский Юрий Васильевич Младший, брат Ивана Васильевича, всего 32-х лет от роду. Завещания брат не оставил, поэтому Иван III княжество забрал себе, присоединив к Московским. Для Фёдора и дружины ровным счётом ничего не изменилось. Также на заставы ездили, порубежную службу несли. Даже воевода серпуховский остался прежним.

Пообтёрся Фёдор на ратной службе, взматерел, вырос, настоящим мужиком выглядел. Ещё бы – в кольчуге новой, по меркам сделанной, а ещё поножи и наручи есть. Правда, в воинской избе они лежали. Для сечи они надобны, в серьёзном бою. А на заставе какие бои? Здесь передвигаться много надо, лишняя тяжесть ни к чему. Засиделись ратники до первых белых мух, до морозов на заставе. Одежонка лёгкая, не для зимы. А тут и смена подоспела – в тулупах, шапках. Ратники в воинскую избу воротились. Отмылись, отъелись в тепле, десятку недельный отдых дали, езжай к родным или к зазнобе. Фёдор в свою деревню отправился. Давно матушку не видел и по брату соскучился. Медяков пригоршню в подарок вёз. А приехал и расстроился. Мать в одночасье от лихоманки померла три седмицы назад, когда он на заставе был. В избе печь холодная, сыро.

– Брат, ты когда ел?

– Два дня назад.

Иван расплакался.

– Сопли и слёзы подотри! – приструнил его Фёдор. – Своди на могилку к матери, потом в Борисово поедем.

Сходили на скромную могилу с деревянным крестом. Надпись на нём – «раба божия Степанида».

– Дьячок Афанасий писал?

– А кто же ещё?

Постоял Фёдор, поклонился могилке.

– Собирай, что сердцу дорого, и едем.

А всего и набралось, что маленький узелок, бедно жили, кусок хлеба в радость. Иван за Фёдором на коня уселся. Так и приехали в дружину. Фёдор сразу с поклоном к сотнику Пыльцыну и дядьке Прохору.

– Сиротой брательник Иван остался. Христа ради прошу новиком взять в младшую дружину.

Сотник и Прохор Ивана осмотрели, мышцы пощупали. Худоват Иван, но кость широкая, крепкая, а мясо нарастёт. К тому же Фёдор, старший брат, хорошо себя показал, по службе нареканий нет. Взяли парня. И Фёдор, и Иван рады. Подросток в деревне один от голода загнётся либо вши заедят. Пока седмица отдыха была, Фёдор все медяки на Ивана потратил, в харчевню водил на постоялом дворе. Да и под приглядом отныне брат, сыт и одет, со временем ратником станет. С того времени каждый день встречались. То мимо проходил, когда Прохор новиков на деревянных мечах сражаться учил, а то в трапезной, за обедом, то в домовой церкви за молебном. На сытной пище Иван быстро из худого подростка справным парнем стал, щёки порозовели.

После Крещения к Фёдору Пыльцын подошёл.

– Князь желает на медвежью охоту ехать. Поедешь ли? Дело опасное, но добровольное.

Фёдор поначалу отказаться хотел. Зачем хозяина леса убивать? Тем более положение зверя незавидное. Он один, а охотников много будет, князя егеря и воины подстраховывать будут и все с оружием. Но согласился. Интересно было, да и в какой-то мере ловкость и смелость проявить можно.

– Выезд завтра после молебна. Из оружия рогатина будет, её в арсенале возьми, и нож. И не вздумай шлем одеть и кольчугу, не на сечу едем.

В арсенале оружейник рогатину подобрал. Рожон в два локтя длиной, фактически настоящий меч, серьёзная железная перекладина в месте соединения рожна и древка. Древко толстое, тяжёлое. И нож, который прозывали боярским, с локоть длиной. Обычный для медвежьей охоты слабоват, клинок короткий. Фёдор нож и рожон наточил.

Утром оделись тепло. Тулуп, шапка, а на ногу по две портянки в сапоги. В валенках теплее, но бегать в них неудобно, да и ноги в стремена не вденешь.

После молебна в домовой церкви выехали целой кавалькадой. Впереди егерь, за ним сам князь с тремя близкими людьми, а следом пять дружинников. Вёрст десять отмахали по заснеженной дороге. Потом егерь в лес свернул. Ещё полверсты, и остановились все, спешились. Лошадей здесь оставили с одним ратником для пригляда. А дальше пешком. Особо не тихарились. Егерь пояснил:

– Ведмедь-то крепко спит. Зимняя спячка у него, добудиться ещё надо.

Остановились у небольшого снежного бугра. Сбоку небольшая дырка, и, если присмотреться, лёгкий парок из неё идёт.

– Самая берлога и есть, – пояснил егерь Ларион. – Кто-нибудь один подходи, только рожном через снег щупай до земли, а то как бы в берлогу не провалиться.

У князя, как и друзей его, в руках тоже рогатины. Ратники от берлоги отошли шагов на десять, рогатины перед собой выставили. Гридь Семён рожном рогатины в снег тыкал. Ткнёт, попадёт в твёрдое, ещё шаг делает. Сугроб уже рядом. Ткнул ещё раз, а рогатина до половины под наст провалилась.

– Теперь рогатиной пошуруди там. Только наготове будь. Зверь, как его разбудишь, зело зол и свиреп.

Гридь рожном стал в берлоге в разных направлениях тыкать. Внезапно снег во все стороны из сугроба полетел, со стороны – как взрыв. Из снежной пыли что-то большое, чёрное по-явилось. Как медведь Семёна ударил, Фёдор заметить не успел. А только гридь отлетел шагов на пять и упал без сознания. И тут же рёв дикий. Всем страшно стало, как дьявол из преисподней выскочил. Медведь огромен, встав на задние лапы, на две головы выше человека, а то и больше. Пасть огромную разинул, ревёт. И почти сразу на князя кинулся. Успел Патрикеев рогатину выставить, а медведь её лапой в сторону отбил. Один из друзей князя не убоялся, уколол зверя рогатиной. Кому понравится, когда острым железом в тело тычут? Медведь мгновенно переключился на обидчика, прыжок сделал, ударил лапой по человеку. Охотник так и отлетел, выронив рогатину. А медведя второй охотник в правый бок рогатиной бьёт. Медведь, как и кабан, на рану крепок. Взревел, на обидчика кинулся и ну когтями рвать. От полушубка клочья летят, а уже и кровь показалась. К медведю гриди кинулись, уже не до охоты, медведя убить надо, пока большой беды не сделал. Сразу двое ратников рогатины в зверя вонзили. Медведь на задние лапы поднялся, маленькие глаза злобой горят, на людей напирает. А поперечина железная за рожном придвинуться не даёт. Тут и Фёдор с рогатиной подскочил, ударил медведя со спины, под левую лопатку. Кровь ручьём хлынула. Попытался зверь повернуться, а сил уже не хватило, рухнул. Издав последнее рычание, испустил дух. На всех ступор нашёл, застыли в безмолвии. События настолько быстро и трагично развивались, что осмыслить, переварить их надо. Егерь первым в себя пришёл, к князю кинулся.

– Жив ли? Не ранен?

– Цел, ведмедь когтями только рукав порвал.

С другими, до кого медведь добрался, было хуже. У охотника раны от когтей на голове и теле глубокие, кровь хлещет. Егерь перевязывать его стал, а охотник от боли сознания лишился. Фёдор же к ратнику Семёну кинулся, медведь его первым сбил. А гридь уже не дышит. Фёдор тулуп расстегнул. Ран на теле не видно нигде, как и крови. А взялся Фёдор за грудную клетку, а все рёбра хрустят, переломаны. Видно – чудовищной силы удар был.

Скверная охота получилась. Один убит, двое ранены. Пока ратники ножами валили деревца с прямыми стволами, делать волокуши, егерь медведя осмотрел.

– Всю шкуру попортили! – сокрушался он. Один удар в сердце быть должон, а вы его рогатинами истыкали.

Вообще-то претензии к князю предъявлять надо было, да кто себе это позволить может? Фёдор в душе возмутился. Егерь о попорченной медвежьей шкуре печётся, между тем ратник погиб, лишился жизни не в бою с врагом, а ради охоты княжеской, ради потехи! А двое других? Один ранен легко, но другой выживет ли?

Стволы небольших деревьев от веток очистили, Фёдор за лошадьми сбегал. Кони, как учуяли дикого зверя, забеспокоились. Ушами прядают, ногами беспокойно перебирают, косятся на тушу медвежью. Очищенные хлысты одним концом к седлу привязали по обе стороны лошади, связали между собой верёвками, которые предусмотрительно егерь прихватил. На волокушу тяжело раненного уложили, на другую – медвежью тушу. Легко раненный сам в седло сел. Медведь тяжёл, лошадь с трудом с места тронулась. Были бы ещё сани, а волокушу по снегу с большим грузом влачить тяжело. Обратный путь в Борисово времени занял много. Раненых сразу в избу лечца определили, егерь стал снимать шкуру с медведя, разделывать.

Медведь – это не только тёплая шкура. Ценились ещё клыки, медвежья желчь у лечцов, другие органы.

А гриди из дружины принялись долбить в промёрзшей земле на кладбище могилу для Семёна. Погребение состоялось на третий день, по христианской традиции. Невзлюбил с тех пор Фёдор князя.

И когда по весне пришёл черёд их десятку нести службу на Окском береговом разряде, проще – на заставе, с радостью покинул воинскую избу. Весна выдалась ранняя, тёплая. Солнце пригревало, быстро таял снег, на льду Оки образовывались промоины. Селяне и торговый люд по льду рек ездить перестал. Кому край как ехать надо было, передвигались по ночам, когда подтаявший за день снег замерзал. По ночам всё же температура держалась низкая. А потом с грохотом стали лопаться льдины, наступил ледоход, река разливаться стала. Благо застава стоит на месте возвышенном, сухом, вода до сих мест не доходит. Ледоход и последующий разлив реки – самое спокойное время. Ни один неприятель не рискнёт переправиться – ни вплавь, ни на лодке или судне. И по суше передвигаться сложно. На санях уже невозможно, на телегах рано, колёса по ступицы в грязи вязнут. Дружинникам отдых. Кто отсыпался, кто в кости играл, а кто от скуки из липы поделки вырезал. Фёдора азартные игры не увлекали, пустое. А на берег Оки выходил, садился на облюбованный пенёк, смотрел на реку. То вода упавшее дерево несёт, то сани на льдине, а то и зверушку. Однажды зайца видел, а другой раз лису. Лёд ушёл, вода много мусора несла, вода из чистой, как зимой, грязной сделалась. Для приготовления похлёбки или кулеша раньше воду из Оки брали, вкусная. А теперь приходилось из родника, в полуверсте от заставы. Река быстро очистилась, уровень воды в Оке стал спадать. Появились первые кораблики – ушкуи, лодьи из числа самых смелых владельцев. Засиделись торговые люди из-за распутицы. А торговля пустых прилавков не любит. Вот и торопились наверстать упущенную выгоду. Но свои суда имели купцы зажиточные, уверенно стоявшие на ногах. Торговцы масштабом поменьше везли товар на подводах. Как просохла земля, потянулись подводы в Москву. Царь Иван дозволил английским

купцам вести открытую торговлю в Первопрестольной, но только на серебро. Серебра для чеканки монет в Московском государстве остро не хватало, и мера была вынужденной. Нерчинские рудники откроют значительно позже, где станут добывать золото и серебро. Англичане везли на Русь ткани, железные изделия, а вывозили пеньку, меха, воск, корабельный лес. Поскольку Англия – островное государство, потребен флот и военный, и торговый. Для строительства пеньковые верёвки и канаты нужны, а лучшая пенька на Руси. Да и брёвна для мачт – ровные, прямые, длинные – товар выгодный. На Руси подходящих деревьев – елей, лиственницы – полным-полно.

Торговля взаимовыгодная, да аппетит приходит во время еды. По торговому обороту Великий Новгород превосходил Москву. Да и то взять, Новгород от Балтики рядом, Ганзейский союз упустить выгоды не хотел. Немецкие города свои представительства в Новгороде устроили, а конкурентам с туманного Альбиона козни строили, английским кораблям препоны чинили.

Великий Новгород для Москвы всегда раздражителем был. Вече у них, вольница, земли обширные, от Балтики и до Урала, почти все северные города, торговля бойкая. А ещё то к Литве прислониться хотят, то с Москвой или Псковом воюют.

В конце мая на заставе ратников сменили. Весь десяток вернулся в село, в воинскую избу. Помывка, отдых, перековка коней. Лето отдыха не сулило, все походы и набеги воинственных соседей всегда происходили летом. На Русь зимой решится напасть только сумасшедший – глубокие снега, морозы, для лошадей отсутствие подножного корма.

Едва успели привести себя и коней в порядок, как объявили сбор и подготовку к походу. Наутро выступили в поход, но не всей дружиной, а полусотней. Походный воевода Савва Ручьёв и сам не знал конечной цели. Велено было рать в Звенигород привести, чего он и исполнил. Под Звенигородом сошлись рати аж из двадцати двух городов. Сила получилась большая и двинулась к Пскову. Хоть и конные все ратники, а быстро дойти не получилось. Полтора десятка вёрст, и лошадям передышка нужна, травку пощипать, попить. К Пскову через три седмицы подошли.

Ливонский орден, разорявший псковские земли постоянными набегами, подошедшей рати убоялся. Зачни биться, ещё неизвестно, чья возьмёт. Псков после Москвы и Великого Новгорода третий по численности на Руси. Город с посадами тридцать тысяч жителей насчитывал. Богат Псков, да соседи беспокойные. Псковичи – кривичи, а новгородцы – ильменские словени издавна враждовали. А у Пскова ещё и Ливонский орден рядом, и Литва, так и норовит пограбить да земли захватить.

Магистр Ливонского ордена с псковским князем и московским воеводой мирный договор подписал. Хоть и не было сечи, а принудили, рать не для отдыха прибыла. Зачни магистр воевать, Москва огромное подкрепление приведёт, а орден в силу ещё не вошёл, по зубам получит крепко немного позже. Бит был и Александром Невским, да впрок не пошло, а затем Иваном Грозным.

Иван III не только псковичам помог, но и новгородцам показал, намекнул пока, под руку московскую отойти надо. А то якшаются с Литвой, в союзнические отношения вступать хотят. К такой самостоятельности, вольности Москва ревниво относилась. Бояре новгородские на время и правда притихли. Купцы да лазутчики новгородские донесли боярам, что рать московская велика, да из многих земель. Остудили горячие головы, да получилось ненадолго, на четыре года. Иван III в Псков наместником дал князя Ярослава Оболенского, кого сами псковичи видеть хотели.

Обратно рати московские вышли в январе, сборное войско многих земель – Ростовской, Дмитровской, Юрьевской, Муромской, Костромской, Коломенской, Серпуховской и прочих возглавлял князь Данила Дмитриевич Холмский. Когда войско в Псков пришло, псковичи для постоя войска Завеличье освободили, большой кусок посада. А обратно пошли,

псковичи богатые дары получили «за стояние и оборону». Медленно войско продвигалось, обоз сдерживал. Чем ближе к Москве, тем войско малочисленнее, от рати Холмского к своим городам дружины отходили. В один день, счастливый для Фёдора, происшествие случилось. Как и полагается войску на марше, впереди дозор конно ехал, в котором Фёдор был. На небольшом удалении князь с боярами, за ним основное войско, обоз, арьергард, как положено. Зимой не пыльно, санные пути наезжены и мосты искать не надо, реки под толстым слоем льда, переходи реку аки посуху. Дозор через Рузу перебрался, за ним князь с окружением, беседуют. И посол псковский Игнатий Иголка, к князю почтение за помощь Пскову засвидетельствовать.

Фёдор в седле покачивался, мечтая, как вернётся в Борисово, сходит в баню, обнимет брата, единственного родного человека. Сзади треск раздался, крики. Обернулся Фёдор. А под князем лёд провалился, видимо, подводный родник был, промоину сделал. Окружение застыло в шоке. На всех зимняя одежда, под ней кольчуги. А ещё – водяного царя боялись. Течением князя под лёд затянет, и никто не поможет. К тому же плавать мало кто умел. Фёдор с коня спрыгнул, к полынье побежал. На ходу ремешок шлема расстегнул, сбросил. Затем ремень с мечом и боевым ножом сбросил, следом тулуп заячий. Уже перед полыньёй, где конь бился, склонился, как в глубоком земном поклоне. Кольчуга сама с тела соскользнула, как чешуя, с шелестом железным на лёд упала. Один сапог сорвал, другой. Ещё бы поддоспешник войлочный снять, да ремешки расстёгивать мешкотно. Крикнул только:

– Коня придержите!

Конь княжеский бился, пытался передними ногами на лёд опереться, глаза безумные. В полынье уже и красное княжеское корзно смутно видно. Нырнул Фёдор. Одного опасался, как бы конь задними ногами не ударил. Это как тараном в грудь получить. Красный плащ вниз уходит, в глубину. Нырнул, рукой ухватился, вверх потянул. Воздуха уже не хватало, вынырнул, в левой руке намертво плащ зажат. Вокруг полыньи уже дружинники. Один из них за плащ ухватился, на себя тянет, второй ухитрился, князя за ворот ферязи схватил. Другие дружинники лёд боевыми топорами рубят, пытаясь полынью расширить, коня в сторону отвести. Вытащили князя, на лёд вниз лицом положили. Изо рта князя вода течёт, наглотаться успел. Потом закашлялся сильно. Дружинник руку Фёдору протянул, буквально выдернул из воды. С Фёдора воды поток течёт. И сил нет, поддоспешник воды набрал, как губка, тяжелый стал. Спешка до добра не доводит, но и медлить было нельзя. И так в последний момент успел. Коня дружинники за передние ноги схватили, дружно потянули, обдирая брюхо о лёд. Затем вожжи накинули на шею, под дружное «ух» вытянули. Конь, оскальзываясь копытами, встал, трясёт его. Один из дружинников под уздцы взял, на берег повёл, по морде оглаживает, успокаивая. Кто-то крикнул:

– Тряпьём оботри, попону сухую накинь!

– Не учи учёного, – огрызнулся дружинник. А про Фёдора как-то забыли все, князя подняли, на берег понесли. Туда же возок княжеский подогнали.

Бояре кричат возничему:

– В деревню гони, в тепло ему надо, на печь, чтобы лихоманка не приключилась!

Возничий погнал, за ним десяток дружинников для охраны и помощи. А ещё бояре увязались. Каждый участие проявить хочет. Один из дружинников сплюнул:

– Где вы раньше были?

Разбросанные вещи и броню Фёдора собрали. Фёдора раздели донага, растёрли меховой рукавицей, дали сухую одежду. У каждого дружинника в перемётной суме есть чистое исподнее, запасные порты, а то и рубаха. Фёдор оделся, теплее стало. Руки-ноги согрелись, а внутри холод, как заледенело всё.

После вынужденной задержки войско дальше двинулось. Через пару вёрст деревня. У одной из изб бояре столпились. Игнатий Иголка руку поднял, ратников останавливая:

– Где дружинник, что в прорубь нырял?

– Фёдор, тебя кличут! – закричали ратники.

Фёдор подъехал, спрыгнул.

– В избу зайди. Князь в себя пришёл, тебя требует.

Это можно. Фёдор поводья лошади приятелю Никанору отдал, к избе зашагал. Бояре расступились, как перед важным чином. Для простого воина непривычно. Немного робея, Фёдор в избу вошёл. Вот диво! Князь в одном исподнем на русской печи сидит. Печь натоплена, тепло от неё исходит. Фёдор, войдя, перекрестился на иконы в красном углу, потом князю поклонился:

– Здрав буди, княже!

– И ты не хворай, спаситель. Как имя твоё?

– Фёдор Сухарев, дружинник, князя Патрикеева гридь.

– Ближе подойди.

Фёдор к печи подошёл. Князь с пальца один из перстней стянул, протянул:

– Носи, Федя. Век тебя помнить буду.

– Благодарствую, княже!

Фёдор поклонился. А один из бояр его за рукав из избы тянет.

– Прочь поди, видишь – неможется князю.

За Рузой полусотня Саввы Ручьёва вправо повернула, на Боровск. После двух дневных переходов Фёдор почувствовал себя скверно. Слабость навалилась, появился кашель, жар поднялся. С трудом удержался в седле до Тарутино. До Борисова один дневной переход, а сил нет. Ручьёв заметил состояние Фёдора, подошёл, лоб пощупал.

– Э, парень, да ты горишь весь. Не прошло даром твоё купание в проруби. К лечцу надобно либо к знахарке.

Подсуетились дружинники, нашли в соседней деревне бабку-травницу, на санях привезли. Бабка Фёдора осмотрела, губами почмокала:

– Плох парень, лихоманка у него. Нельзя ему в седло, отлежаться надо, целебные отвары попить. Везите его ко мне в избу, выхожу.

Фёдора на сани уложили, сняв шлем и броню. Рядом бабку Пелагею посадили, к избёнке привезли. Избёнка древняя, скособоченная, стены до половины мхом поросли. Ратники Фёдора в избу внесли, на полати уложили, тулуп и сапоги сняли.

– Фёдор, ты выздоравливай, – напутствовали. – Коня и броню забираем, а через седмицу наведаемся.

Ручьёв бабке несколько медяков в руку сунул за труды. Уехали дружинники, а Фёдор в беспамятство впал. Приходил в себя, бабка сразу отварами поила, отвратительными на вкус. А ещё, стянув осторожно рубаху, натирала грудь мазями, накрывала медвежьей шкурой, поеденной молью, приговаривала:

– Пропотеть тебе надоть, жар и уйдёт.

Сколько в таком состоянии Фёдор пробыл, и вспомнить не мог. Седмицу, две? Но одним утром проснулся в здравом уме, первое, что спросил:

– Гриди приезжали?

– Были третьего дня, один братом твоим единоутробным назвался, обнимал тебя.

– Надо же, не помню ничего.

– Обещали ещё заехать. В баню бы тебе надо, дух от тебя тяжёлый.

В самом деле пахло. Бабка его мазями натирала – салом барсучьим, медвежьим, да ещё потел он. Запах соответствующий. Да ещё в переходе от Пскова не мылись. Ни одна баня рать вместить не смогла бы. Бабка сказала:

– Перстень у тебя знатный.

– Князя Холмского подарок за спасение.

– Я так и думала – одарил кто-то либо трофей.

– Не воевали мы, откуда трофей? Постояли в Пскове, и назад.

После бани да чистого исподнего Фёдор как будто болезнь скинул, быстро на поправку пошёл. А через несколько дней дружинники приехали проведать, да с гостинцами. Мёду горшочек привезли, калачей да орешков. Соскучился Фёдор по товарищам. Посидели, поговорили, бабка иван-чай заварила, духовитый да с мятой. Под мёд и калачи съели.

– Ты выздоравливай, мы через седмицу нагрянем, коня твоего приведём, застоялся.

Обнялись на прощание. А через день солнце на весну повернуло, снег таять стал, ручьи побежали. Лихоманка ушла, жара не было, Фёдор дышать свободно стал, силы появились.

Дружинники задержались, появились через десять дён, зато коня привели осёдланного. Все кони в грязи, что ноги, что брюхо.

– Грязь непролазная, ни на санях, ни на телеге не проехать, да и верхами не везде, – жаловались дружинники. В низинах вода разлилась, коням по брюхо.

Фёдор с бабкой Пелагеей попрощался тепло. Спасла его знахарка-травница, выходила. Обнял на прощание, обещал при случае навестить.

Назад, в Борисово, ехали гуськом, да шагом лошадей пустили. Коли галопом или рысью, можно в глубокую бочажину угодить, и упасть будет самое лёгкое, а то и ноги конь сломает. А животина – имущество княжеское, спрос строгий за убыток. К вечеру прибыли, первым делом коней чистить, пока грязь не засохла намертво. Успели к ужину. Вроде не родная изба, воинская, но Фёдор как в отчий дом вернулся. Дружинники по плечу похлопывают, и перстень подаренный посмотреть, пощупать норовят. И брат ни на шаг не отходит. Рад Иван пуще всех выздоровлению брата. Ещё бы – родная кровь!

А утром на построении сотник объявил князя Патрикеева волю – Фёдора десятником назначить, посему князь Холмский при встрече с Патрикеевым не преминул упомнить о поступке Фёдора. В десяток Фёдора вошли новики, только прошедшие обучение у дядьки Прохора. Молодые, в сечах не участвовавшие, но жаждавшие послужить достойно. Многие старые дружинники назначению Фёдора завидовали. У них и срок службы больше и в сечах себя проявили, а Фёдор обошёл их.

Десятник – это двойное жалованье от рядового дружинника, к князю поближе. Разговоры пошли, однако. Савва Ручьёв, сам бывший в псковском походе, разговоры пресёк.

– Многие из вас в дозоре тогда были и беду с князем видели. А кто в прорубь кинулся? Что-то я не видел. Потому по праву Фёдор Сухарев десятника получил.

Отныне если и завидовали, то молча. А Фёдор свой десяток гонять стал. Не измываться над молодыми, а упражнения с утра до вечера, с перерывами на обед. Был в походе, видел, как некоторые дружинники из других городов гарцуют на конях да приёмы сабельного боя показывают. А поглядев, сам применить решился. Старослужащие посмеивались:

– Выделиться хочет. Мало ему десятника, полусотником стать хочет.

В ратной службе в мирное время продвижения по службе нет. А в боевых походах, когда сеча, убыль большая, тогда и возвышение ратников завсегда бывает.

Пока Фёдор службой занимался, происходили события, внешне не заметные, не громкие, но сыгравшие позже значительную роль. Хан Крымского ханства Менгли-Гирей I, чувствуя угрозу от Большой Орды, стал искать союзников. Сначала вёл переговоры с Казимиром IV и даже договор подписал. Но Литва далеко, и в случае нападения Большой Орды на Крым помощь от Казимира не скоро придёт. Стали думать о Москве. Рати у Московии большие, территории обширные, а главное – Ахмату недруги. Менгли-Гирей действовал по принципу – враг моего врага мой друг. В 1473 году в Москву был отправлен Ходжа Конос, купец из Кафы. У него и прикрытие хорошее – дела торговые. Купцов все правители старались не обижать, указы грозные в их защиту издавали. Даже по Яссе Чингисхана ограбившего купца предавали смерти.

За купцом Ходжой стояли ширинские беи – Эминек, Давлетек, Мамок и Абдул, глава крымско-татарского рода Барын. При купце никаких бумаг не имелось, но он сумел переговорить с боярином Никитой Васильевичем Беклемишевым, дьяком Иноземного приказа. О важном предложении было тотчас доложено царю. И завертелось. Ходжа вернулся в Крым обласканным, через ширинских беев сообщено об интересе царя Ивана к союзу. В Москву отправили шурина Ходжи Коноса, Юсуфа. Он вёз с собой грамоту о дружественных намерениях. Это уже не разговор, а официальное предложение одного властителя другому. Иван III направил в Крым к хану толмача Иванчи с аналогичной грамотой. Уровень переговоров был повышен. Из Крыма в Москву прибыл Ходжи Баба, с которым Иноземный приказ обсудил все пункты мирного договора. На одном пункте не сговорились. Иван III хотел, чтобы в случае нападения Ахмата Менгли-Гирей привёл на помощь свои войска. Против войны с Ахматом крымский хан не возражал, а с Казимиром упёрся, дескать – союзник крымский, договор подписан. Долго переговоры шли, однако вместе с Ходжи Бабой в Крым для подписания договора отправился 31 марта послом с высокими полномочиями дьяк и боярин Беклемишев. Был он человеком знающим, умным, грамотным и хитрым. А кроме того – знатного происхождения. С простым дьяком хан за стол переговоров не сел бы, тут свой политес. Кроме подарков хану по традиции ещё везли подношения беям Эминеку и Абдуле по восемьдесят шкурок соболей. Люди они в Крыму влиятельные, могли склонить хана к подписанию нужного Москве договора.

И Иноземный поезд, как называли тогда Иноземный обоз, двигался через Серпухов, остановился на ночёвку в селе Борисове. Поскольку переговоры были тайные, посольство избегало остановок в крупных городах. У Ахмата лазутчиков, этих глаз и ушей, везде хватало – купцы, сборщики подати.

Фёдор со своим десятком с полевых упражнений возвращался, а во дворе воинской избы столпотворение. Ратники чужие, даже чужаки в татарских одеждах, возки стоят, а сам Патрикеев с каким-то важным боярином разговор ведёт. Апрель уже, самое начало, тепло, ратники в лёгких кафтанах. Но Фёдор видел уже бояр да дьяков в чинах, шуба да шапки горлатные на них не для согрева, а для важности – показать положение.

Фёдор и дружинники молодые князя поприветствовали, вскинув бердыши. Князь в улыбке расплылся перед высокими гостями из самой столицы, лестно видеть выправку ратников да почёт и уважение. Высокий гость на Фёдоре взгляд остановил, князю что-то сказал. Патрикеев и крикни:

– Фёдор, ко мне!

Фёдор к дружинникам повернулся:

– В избу идите.

А сам бегом к князю. Не любит Патрикеев ждать. А гость на Фёдора с интересом смотрит, как на новый пятак.

– Ты ли тот ратник, что князю Холмскому в походе помог? Вроде лицо похоже.

Фёдор раньше гостя не видел. Хотя кто знает, он близко к Холмскому и его окружению не подходил. Его дело – дозор.

– Я он самый и есть, – подтвердил Фёдор.

– Надо же, где встретились! Видно – судьба. Князь, дозволь с собой ратника взять?

– Не ратник он, десятник уже. А зачем тебе Фёдор, боярин! У меня в дружине поопытнее гриди есть.

– Да? Что-то я не заметил, чтобы они в прорубь бросились князя спасать. Только один Фёдор живота не пожалел, это дорогого стоит.

– Уговорил! – развёл руками Патрикеев. – Будешь обратно возвращаться, пообещай вернуть.

– Непременно.

Князь Фёдору сказал:

– Сдавай десяток на время, пока тебя не будет, кому-нибудь толковому. А сам собирайся, утром с поездом идёшь.

– Конно! – поднял палец Беклемишев. – А то идёт посольство – и пешком.

– Оговорился я, боярин, – повинился князь.

– Коня пожалел? А великому князю и государю пожалуюсь?

Препинания господ Фёдор слушать не стал, не холопское это дело. Попятился да и в избу вошёл. Дружинники сразу обступили.

– Чего Патрикеев от тебя хотел?

– Да не князь, а заезжий боярин. Его сопровождать надо.

– Его? Да у него два десятка ратников, не считая поганых.

– Моё дело маленькое. Приказали – исполню. Завтра с поездом ухожу, на время. Старшим назначаю… – Фёдор людей своих осмотрел, – Конюхова Илью. Отныне и до моего возвращения его слушать во всём.

Фёдор в баню сходил. Перед ним другой десяток помылся, что с заставы вернулись, немного горячей воды осталось. Всё же потный он после занятий, а завтра с посольством выступать. Исподнее чистое надел, рубаху новую. Саблю наточил, в конюшню сбегал, проверил подковы у коня. Один из старых ратников и скажи:

– Крестик под рубаху прячь. Да у боярина с утра спроси – оружие брать ли? Поганые на своей земле православным иметь при себе оружие запрещают.

Слова дружинника Фёдора в тупик поставили. Боярин ни словечком об оружии не обмолвился. Если в охрану берёт, как без сабли посольство оборонить, если придётся?

Утром оделся, седло на коня набросил, позавтракать успел гречневой каши с убоиной, да у крыльца княжеского дома устроился боярина ждать. К нему сразу незнакомый ратник подошёл. Богато одет, рубаха шёлковая, кафтан с медными пуговицами.

– Не ты ли Фёдором будешь?

– Он самый.

– Никита Васильевич велел рядом с его возком держаться.

– А ты кто будешь?

– Старший над малой дружиной, что посольство сопровождать будет. Звать Елисеем Храповым.

– Вот скажи, Елисей, мне при сабле и бердыше быть али как?

– Бердыш оставь, саблю возьми. Мы с посольством едем, у нас грамота от царя, не тронут.

– А Никита Васильевич кто?

– Чудак-человек! Да боярин Беклемишев, с кем ты вчера разговаривал.

– А татары – толмачи?

– Не, крымчаки, ихних баев люди.

На крыльцо вышли Патрикеев и Беклемишев. Елисей и Фёдор сразу отошли.

– Беги за лошадью, сейчас возок подадут, – предостерёг Елисей.

Когда Фёдор подъехал, к крыльцу подали возок, куда уселись боярин, провожаемый князем, и татарин. Возок тронулся, за ним две подводы, груз рогожей прикрыт от непогоды и любопытных глаз. Спереди сразу два дружинника конных вроде дозора и неугодных с дороги сгонять, коли случатся. Фёдор сразу за возком пристроился, за ним подводы, а уж замыкали поезд все дружинники. Вскоре переправились через Оку самолётом, как назывался паром. Причём Елисей, командовавший дружинниками, поступил разумно. Сначала половину гридей переправил, затем телеги, а уж потом возок и Фёдора, замыкали перевоз остальные дружинники. Паром невелик, вмещал десяток коней с всадниками. Тянули его за канат, вручную.

Две лошади тянули возок шустро, из-под колёс летела пыль, и Фёдор пристроился с подветренной стороны и немного сзади возка. Окна возка затянуты слюдой, а изнутри задёрнуты шторками, чтобы седоков видно не было. Фёдор от природы наблюдателен. Немного удивлён был, что подводы с поклажей не отстают. Видимо, груз лёгкий. Когда остановились на отдых, лошадей покормить, напоить, он вроде невзначай на рогожу в одной из подвод опёрся. Рука как провалилась, вроде нет ничего. Ездовой приметил, усмехнулся:

– Рухлядь дорогая там, подарки. В посольстве без подарков никак, неуважение.

А Фёдору всё интересно, знания как губка впитывает. С дружинниками сначала дружба не заладилась. Выскочкой безродным сочли. Из какого-то села присмотрел боярин, к себе приблизил за неизвестные заслуги, обочь возка скачет. Да кто он такой? Фёдор сам на дружбу не напрашивался, молчал, не лебезил перед гридями. Через неделю отношение к Фёдору поменялось. Оказалось, Елисей разговаривал с боярином. Не про Фёдора, решали – каким путём далее ехать. Поближе к Днепру или по Крымскому шляху, что прямёхонько к Перекопу идёт. У каждой дороги свои недостатки и достоинства. Решили – по шляху, ближе к Днепру казаки запорожские баловались разбоями. Охрана поезда невелика, случись беда, договор сорвётся. Риск к минимуму сведён должен быть. Елисей в конце разговора про Фёдора спросил, дескать – гриди интересуются. Особняком Фёдор держится, молчит. Не подозрительно ли? Боярин засмеялся.

– Он единственный из ратников, кто бросился в прорубь, когда князь Холмский провалился и тонуть зачал. И спас! Князь Патрикеев сказывал, болел после того Фёдор тяжело, лихоманка приключилась.

– Просто растерялись гриди, – попытался оправдать дружинников Елисей.

– Пока они терялись, как ты говоришь, князь уже под воду ушёл, только пузыри пускал. Ты присмотрись к парню. Службу справно несёт, в решениях быстр, смел, а главное – собой пожертвовать готов за других. Нечасто такое ноне в людях встретишь.

Елисей с дружинниками сведениями поделился. Фёдор сразу перемены почувствовал. То на привале в миску черпаком каши побольше кинут, да с мясцом, то подпругу подтянуть помогут, чего раньше не наблюдалось. На отдыхе стали подходить, разговоры о службе, о жизни вести.

Как вошли на земли Дикого поля, Елисей выслал далеко вперёд дозорного, на предел видимости. В случае опасности тот сигнал подать успеет. Чем дальше от рязанских земель, тем больше народу в степи. То купцы с обозом по шляху, то пастухи со стадами в степи. Дружинники купцов останавливали, расспрашивали – не видно ли войска татарского. И сами гриди оглядывали горизонт – не поднимется ли пыль? Если конный десяток идёт, лёгкое облачко пыли видно, быстро ветром рассеивающееся. А если войско в сотню сабель или более, уже пыльная туча видна, надо в сторону уходить. Крымский шлях держали под контролем крымчаки, но и татары из Большой Орды забирались. На татарский разъезд напоролись в сотне вёрст от Перекопа – огромного рва, по краю которого высокая стена стоит и стража. Татары, как увидели ратников, навстречу кинулись, сабли оголили. Доскакать не успели, как татарин из возка выбрался, на дорогу посередине встал. Лицо надменное, из-под одежд достал серебряную пайцзу, своего рода охранительную грамоту от хана, пропуск. Пайцза, в зависимости от положения её владельца, могла быть деревянной, кожаной, медной, серебряной или золотой. Татары, как увидели пайцзу да разглядели лицо обладателя, остановив коней, спрыгнули, на колени встали, поклон отбили. Ссориться с человеком Абдулы и послом Менгли-Гирея себе дороже, с живого кожу сдерут или в котле живого сварят. Дозор татарский по обе стороны от Иноземного поезда встал вроде почётного конвоя. А дружинники напряглись. Татары и русские враждовали несколько веков, и для дружинников видеть рядом крымчака с оружием – настоящее испытание. Но обошлось. Вечером в какой-то аул

въехали, переночевали в выделенных юртах. А дальше их уже другой татарский десяток сопровождал. Худо-бедно, добрались до Перекопа. Татары из конвоя сразу предупредили:

– Уберите сабли с глаз долой. Лучше замотать в тряпки и уложить на телеги, да прикрыть чем-нибудь.

Так и сделали, чтобы крымчаков не раздражать. А только плохо без оружия. Фёдор без сабли себя неловко чувствовал. Какой ты гридь, если сабля на подводе? Иноземный поезд охраняли уже сами татары. Добрались до Бахчисарая. Ратников отделили сразу.

– Кушайте, пейте, наслаждайтесь, но в город лучше не ходить, – предупредили сразу.

Русские, если бывали в городе, то в качестве рабов или как Беклемишев – послом. Неделю наслаждались отдыхом. Тепло, солнце, никто работать не заставляет. Красота! Но еда непривычная. Вместо хлеба лепёшки, каши нет, подают «сарацинское зерно», как рис называли, да с варёной бараниной. Вот фруктов было вволю, Фёдор раньше и не видел таких. Правда, всё сушёное – урюк, виноград, дыня. Но сладко. А ещё специй столько, что и названия не запомнишь. На Руси проще, перец да травы вроде мяты. А тут куркума, ваниль, шафран. Запах диковинный и вкус необычный. Гриди уж по родине скучать начали, как Беклемишев появился. Доволен, улыбается. Видимо, с ханом поладили.

– Завтра домой отбываем.

Вот это порадовал. А то от кумыса уже скулы воротит. Покинули Бахчисарай с радостью. До Перекопа их отряд татарский сопровождал, а дальше уже сами. Беклемишеву хан пайцзу вручил для беспрепятственного проезда.

Фёдор увидел только малую часть невидимой посольской службы. Дьяки посольские к окружающим Московию землям приглядывались. Кто союзником стать может? Старания увенчались успехом.

В состав Золотой Орды входило племя мангытов, нынешних ногаев. Но такая ситуация была до 1468 года, когда власть в Ибире захватил нейбашид Ибак. Земли ханства Ибирь, прозываемого ещё Тюменским, простирались от Западной Сибири, Южного Урала и до Каспия, включая нынешнюю Башкирию. Ибак при содействии брата Мамука осмелился вести борьбу за трон в Большой Орде, ханом которой мог стать только Чингисид. Пока же Ибак был беклярбеком, высокопоставленным чиновником. Преуспело московское посольство, склонило Ибака к договору о союзничестве. И когда Ахмат на Русь пошёл, Ибак повёл своих нукеров в Дикое поле, в тыл войску Ахмата. Мало того, когда Ахмат уже отступал, Ибак настиг его на степной стоянке и после недолгого боя убил. После этого события в Большой Орде началась великая замятня. Претенденты на трон резали друг друга, междоусобные войны пошли, на какое-то время не до русских земель стало.

На пару сотен вёрст от Перекопа отошли. Степи стали сменяться холмистой местностью, реки появились, травы зелёные по пояс стоят. И воздух почти родной. До рязанских земель ещё три дня пути. Земли эти с Диким полем граничат. Добрался до них, считай повезло, в живых остался. На Рязанщине и язык, и вера православная, и обычаи.

А только вдали, справа, дозор татарский показался. Дружинники спокойны, ханская пайцза есть как охранная грамота. Дозор басурманский во весь опор к Иноземному поезду поскакал. Кричат что-то, саблями размахивают. А в поез-де толмача уже нет, в Москву, чай, едут. Елисей к Фёдору подъехал.

– Ежели бой завяжется, гони возок с Никитой Васильевичем к рязанцам, пока мы задержим.

Даже с парой гнедых в упряжке возок имеет скорость меньшую, чем обычный всадник. Да и устали кони от долгого перехода.

Татары ещё издали из луков стрелять начали. Какие-то неправильные. Дозор крымчаков, когда встретились, подъехал с саблями наголо, но из луков не стреляли, хотя были они у всех. И конфликта не случилось, поговорили с татарами из поезда, пайцзу увидели и прово-

дили с почётом. А эти и разговаривать не собираются. То ли шайка грабителей, то ли татары из Большой Орды бесчинствуют. С крымчаками Орда не дружит, а сейчас обоз явно русский, татары на возках не ездят, у них даже ханы передвигаются конно.

Двое дружинников справа от возка выдвинулись. Все щиты вскинули, прикрываясь от стрел. А Фёдор за возком, он от стрел прикроет. Беклемишев от сладкой дремоты сразу очнулся, ездовому в окошко кричит:

– Гони!

Возничему приказывать не надо и так кнутом нахлёстывает. Кони хоть и отборные в Иноземном приказе, а за день уже вёрст пятнадцать-двадцать прошли, притомились. Ямские станции позже появились на Руси. Сначала их татары в Орде для гонцов ввели. На каждом яме, согласно пайцзе, лошадей меняли. И гонец за световой день по сто вёрст, как не более, преодолевал. Татары в походе за собой запасных коней в поводу вели. Но их по-любому кормить-поить надо, а это потеря времени. А на яме конь отдохнувший, накормлен и двадцать – двадцать пять вёрст, до следующего яма, легко одолевает. Ямы и располагались на такой дистанции. В дальнейшем и русские города провинциальные на таком же удалении друг от друга ставить стали, с учётом дневного перехода лошади.

Впереди перед возком один дозорный, на облучке возка ездовой, два дружинника обочь и Фёдор за возком. Вся кавалькада удаляться стала. Остальные дружинники с Елисеем во главе стали татар поджидать. Татар всего с десяток, немногим меньше, чем отряд Елисея, так у татар луки, которых у дружинников нет. Фёдор периодически назад оборачивался. Татары и гриди уже на саблях биться зачали. Ни звона оружия, ни криков уже не слышно, а потом за пылью и видно не стало. В боковое окно высунулся боярин, Фёдору крикнул:

– Если татары догонят, пергамент из этого сундучка им в руки попасть не должен.

Боярин приподнял с сиденья небольшой кожаный сундучок. В нём подписанный Менгли-Гиреем договор. Большая Орда об этом тайном сговоре ничего узнать не должна. Как позже выяснится и не узнала, как и о сговоре с властителем Тюменской Орды Ибаком.

– Исполню, боярин. Да выберемся!

О том, что удастся уйти без потерь, у Фёдора большие сомнения были. Ордынцы – они как клещ, вцепятся намертво, если в живых хоть несколько нукеров останутся.

Сколько вёрст промчались – неведомо. Фёдор периодически в сторону от шляха съезжал, чтобы пыль не мешала, назад оборачивался. Ни дружинников, ни татар не видно. Лошади от гонки уставать стали, шкуры мокрые от пота, похрапывают, ход сбросили. И погонять смысла нет, надо отдых дать, а то падут, тогда совсем плохо будет. Фёдор поравнялся с ездовым:

– На пригорке останови.

Ездовой кивнул, он и сам видел состояние лошадей, но без приказа самовольничать опасался. Въехали на пологий подъём, остановились. Местность в этих местах пересечённая – спуск, подъём. Зато с холма видно дальше. Дорога сзади пустынная.

– Распрягай, пусть траву пощипают, передохнут.

Беклемишев из возка вышел, с тревогой назад посмотрел:

– Зря распрягли.

– Иначе загоним коней-то.

– А вдруг наскочут?

– Тогда возок бросим, верхами уходить будем.

Боярин крупный сложением, небось от верховой езды отвык. Но возок в такой ситуации как камень на шее.

Кони отдохнули, подкрепились сочной травой. Фёдор скомандовал:

– Запрягай и рысью до сумерек едем.

Как-то само собой вышло, что Фёдор дружинниками и ездовым командовать стал. Видимо, сказывалось, что десятником был. А ещё – не боярское это дело гридями руководить. Его забота – переговоры. Пока кони ели, дружинники сами подкрепились подчерствевшими лепёшками, сушёным мясом и сухофруктами.

Проехали с версту, навстречу купеческий обоз попался. Фёдор подъехал, с коня соскочил, поздоровался уважительно. Как ты к человеку, так и он к тебе. Расспросил – не видели ли татарских разъездов, далеко ли до реки или ручья? Воду из баклажек на отдыхе выпили, а коням вода потребна, из фляжки его не напоишь, ему ведро, а то и ушат подавай, скотина-то большая. Ответы выслушав, поблагодарил. В свою очередь, предупредил о татарах впереди по движению. Разъехались, довольные друг другом. Уже смеркаться начало, ездовой на Фёдора поглядывает, сигнала к остановке ждёт. А Фёдор решил до реки дотянуть, недалеко осталось. Лошадей надо поить и сейчас, и утром, да обмыть немного, пот высох на шкурах, запах сильный, одежда уже пропахла едким лошадиным духом.

Стемнело, лошади сами прибавили ход, почуяв воду. И в самом деле скоро под луной блеснула река. Вброд переехали, на другом берегу распрягли коней, они сами пошли к воде. После дружинники и ездовой нарвали пучки травы, сами разделись, завели коней поглубже. Отмыли, оттёрли. Кони щипать траву пошли, ратники сами обмылись. Один из гридей, Лукьян, общее беспокойство выразил:

– Как там наши? Отбились ли?

Каждый понимал, что если дружинники их не догнали, то полегли в бою и ждать – значит обманываться. Фёдор промолчал. Воинская служба – она суровая и потери неизбежны. Не хочешь рисковать? Батрачь на барина. Одевают-обувают дружинников, оружие дают, броня, жалованье платят – не зря. За риск, возможные ранения, а то и гибель.

Костёр не разводили, зачем внимание привлекать? Поели всухомятку, водой из реки напились, баклажки наполнили. Дальше ехали без происшествий и через день добрались до рязанской заставы. Только после неё напряжение спало. Останавливались на постоялых дворах, ели горячую пищу. По сравнению с маршем по Дикому полю – отдых.

Неделя – и уже в Борисово прибыли, что под Серпуховом. Фёдор с братом Иваном обнялся. Возмужал Иван, лицо загорело, пока Фёдор отсутствовал. Из юноши в справного молодого мужчину превратился.

Сотник Пыльцын, увидев Иноземный поезд, удивился:

– А гриди где? Их же два десятка было, если мне память не изменяет.

– В Диком поле остались, – ответил Фёдор.

Глава 3
Москва

Фёдор резонно полагал, что его поход закончился. В воинской избе все свои, знакомые. А утром услышал, как боярин и князь на повышенных тонах разговаривают. Фёдор и не подумал, что о нём речь идёт. Но боярин, сойдя с крыльца, подозвал Фёдора:

– Отныне ты со мной едешь, в Москву.

– Надолго?

– Насовсем. Распорядись насчёт возка.

Опана! Фёдор к ездовому в конюшню сбегал, приказ боярина передал. А дружинники из конвоя уже сами приготовились. Фёдор к брату забежал в воинскую избу.

– Брате, меня боярин с собой в Москву забирает. А ты занимай мой топчан. В сундучке под ним одежда моя и деньги в узелке, ты пользуйся. Не знаю, скоро ли свидеться удастся.

Иван и рад за Фёдора, и огорчён, всё же родной человек рядом был. Кроме Фёдора, у Ивана после смерти матери родни нет, заступиться некому.

– Я как устроюсь, весточку тебе с оказией передам.

Обнял Фёдор брата и к Иноземному поезду побежал, боярин ждать не будет. Дальше ехали неспешно и через несколько дней прибыли в Москву.

В первую очередь в Иноземный приказ. Боярин, как человек ответственный, должен был сдать договор в хранилище. Пока дьяк, фактически один из главных начальников Приказа, отсутствовал, дружинники уехали. У них здесь воинская изба в своём полку, а Фёдору деваться некуда. Но боярин принял самое живое участие в его судьбе. Выйдя, дал несколько серебряных монет.

– Это тебе за радение в службе. Не ошибся я в тебе. Езжай на любой постоялый двор, поешь, отоспись. Желательно баньку принять, разит от тебя. И одежду смени. А после пополудня в Приказ подойди, я по тебе всё утрясу.

Нечасто высокие господа в чинах и званиях помогают простолюдинам. Но, как человек дальновидный и мудрый, боярин умел подбирать себе людей в помощники, на кого опереться в трудную минуту можно, кто не струсит, не предаст, до последнего вздоха верен будет. А таких меньшинство, боярин точно знал.

Фёдор с помощью прохожих постоялый двор нашёл, что оказалось непросто. Иноземный приказ в центре Первопрестольной, недалеко от Кремля, а почти все постоялые дворы за стеной Белого города. Определившись, поужинал, в баню сходил, у хозяина узнал, где торг. Сказано ведь боярином было – одежду сменить. Да и то сказать, за время странствия рубашонка попрела, пропылилась, сапоги порыжели, вид непотребный. Если для Борисова ещё терпимо, но как боярина сопровождать? Для чести его урон будет.

Встал после вторых петухов, наскоро поел, да на Троицкую площадь. О! От многолюдья, гомона, множества лавок с товарами голова кругом пошла. Купил полную смену, от исподнего до рубахи, портов, шапки и сапог. На постоялый двор вернулся, обновки надел, покрасовался перед бронзовым зеркалом. Поколебавшись, к цирюльнику сходил, остригся коротко, бороду оправил. Вот теперь нестыдно к боярину являться. На входе стрелец бердышом вход загородил.

– Ты к кому?

– К Никите Васильевичу, велено было.

– Да? – усомнился стрелец.

Но начальника караула вызвал. Тот лично довёл его до комнаты Беклемишева, постучав, вошёл. Через минуту вышел.

– Зайди.

И удивлённо осмотрел Фёдора. В Иноземный приказ, да к боярину, ходили люди высокого звания – думные дворяне, дьяки и подьячие других приказов, иноземцы. А тут простолюдин, как его ни наряди.

– Заходи, Фёдор. Времени у меня мало, слушай внимательно. Жить и столоваться будешь в Государевом полку, что на Моховой. Эта одежда, что на тебе, для выходов в город. В полку тебе свою форму выдадут. Найдёшь сотника Трифона Кожина, он в курсе. Вся его сотня сопровождением и охраной Посольских поездов занимается. Кстати, Елисей Храпов, вечная ему память, из этой же сотни был. Иди. Думаю, встретимся ещё не раз.

Фёдор поклонился и вышел. Появилась какая-то определённость. Вернулся на постоялый двор, оседлал коня. А где эта Моховая? Для Фёдора город казался огромным, многолюдным. Улицы в центре мощены камнем или дубовыми плашками, удобно. В любой дождь проехать можно. А не понравилось множество печей, которые дымили, и в безветрие дым по улицам стлался аки туман, ажно в горле першило. Не зря говорят: «Язык до Киева доведёт». С помощью прохожих добрался до Государева полка и к Трифону. Поздоровался, представился.

– Предупредил меня утром боярин.

И осмотрел Фёдора внимательно.

– Вот, значит, ты какой. Гриди вчера вернулись, рассказывали.

– Как все.

– Одеть тебя надо как положено. Кольчугу свою оставь, а остальное подберём. Боярин сказывал, ты вроде десятником у князя Патрикеева был?

– Именно так.

– Пока простым дружинником побудешь. Приглядеться к тебе надо, и тебе порядки наши, службу узнать.

Фёдор не думал, что служба сильно отличается от той, что в княжеской дружине была. В мирное время постоянные упражнения с оружием. Навыки быстро забываются, коли не повторять. В военное время походы и сечи, ежели придётся. Но служба оказалась беспокойная. В иные дни были и упражнения. Но и иное было, разъезды дальние в сопровождении Посольских поездов. Дружинники из Государева полка сопровождали царя или царицу на выездах, зачастую далёких – на моление в Троице-Сергиеву лавру, монастыри. Вроде охраны и почётного конвоя. В военное время участвовали в боях, как резерв личный, царский, зачастую как последний шанс переломить ход битвы.

В сотне гриди встретили Фёдора как своего, видимо, дружинники из отряда Елисея, что уцелели, рассказали. За беседами в свободное от службы вечернее время Фёдор много нового для себя узнал. Например, для него откровением было, что ногаи из Тюменского ханства водят дружбу с новгородцами и враждуют с Большой Ордой. Хотя чего удивительного, если новгородские владения обширны и простираются от Балтики до Уральских гор и отделяет земли новгородские от ногаев только ханство Казанское. Каждый властитель себе союзников искал. Та же Москва то воевала с Рязанью, то дружила, как и с Тверью, соседями своими. И Крымское ханство вело себя так же. То воевало с Москвой, то мирилось.

А сопровождать людей из Иноземного приказа приходилось часто. Переговоры официальные, на уровне послов реже. В том же Великом Новгороде боролись за влияние и власть две группировки – промосковская и пролитовская, попеременно одерживающие верх. И входили туда люди богатые, знатные – бояре, купцы. Вот и ездили тайные посланники – поддержать, дать советы, а иной раз и деньгами помочь, склонить на свою сторону. В таких случаях посланника сопровождали два-три конных дружинника, но в обличье простом, не дружинном, де не государевы люди едут. Купцы для своей охраны тоже нанимали охочих

людей, владеть оружием не воспрещалось, даже поощрялось. Случись татарский либо другой набег, горожане оружны и отпор могут дать, в ополчение вступить.

В первый раз поездка недалёкой оказалась и короткой – в Тверь. Фёдор в своей одежде поехал, что на торжище купил на Троицкой площади. С ним десятник Лаврентий, приглядеть за новичком. Сопровождали человека вида купеческого, для скрытности. Только уж дружинники из сотни просветили, всё это люди Иноземного приказа. И купцом может одеться и офеней и даже каликой перехожим для дела. Обернулись за пару седмиц. Не поездка – отдых! Пока посланник тайный свои дела решал, отдыхали на постоялом дворе. Фёдор от нечего делать весь город обошёл. Из любопытства – как люди в другом городе живут? А ещё как воин приглядывался – в каком месте штурмовать стены, коли доведётся. Не знал тогда, что Тверь к Московии присоединится в 1488 году.

Прибыли в Москву, а тут новость. В Москву прибыл Аристотель Фиораванти, возводить Успенский собор в Кремле. Только что отстроенный псковскими мастерами рухнул без видимых причин.

А ещё разговоры по всей Москве от видаков, приближённых ко двору. В Первопрестольную прибыли послы от хана Ахмета, недовольного невыплатами дани. По старинному договору, которому не одна сотня лет, при появлении ханских послов Великий князь Московский обязан был выйти, поклониться, поднести послам кубок с кумысом и выслушать ханскую грамоту, стоя на коленях. Для царя унижение стоять коленопреклонённо перед басурманами. По совету супружницы Софьи Иван к послам не вышел, сказавшись больным. Послы по возвращении в Большую Орду хану пожаловались, Ахмат затаил злость. Татары злопамятны, а уж ханы вдвойне. Ахмат начал через посольства наводить дружбу и союз с великим князем литовским, а затем и королём польским Казимиром IV Ягелончиком. В 1449 году Казимир заключил договор о мире и признании границ великих княжеств Литовского и Московского с Василием II. Казимир договор соблюдал и в 1456-м и 1471 году на помощь Великому Новгороду не пришёл, хотя литовская партия среди дворян новгородских была сильна.

Но Ахмат предложил объединить усилия и разбить рать Ивана III, а после отдать Казимиру приграничные земли, в частности Псковские. Не устоял Казимир, согласился. О договоре тайном в Москве узнали через доверенных лиц, свои меры предпринимать стали. Война – последний довод правителей, если послы не сумели договориться.

Государев полк, пожалуй, наиболее осведомлённый в делах государственных. В титульных полках – Большом, Передовом, Правой и Левой руки командуют воеводы, царём назначенные. А государев фактически царская гвардия. Сотня людей в нём – думские дворяне и московские чины, стряпчие, жильцы появляются в военное время, сопровождают царя в походе. В мирное же время в полку есть воевода, головы и сотники. Численность полка достигала тысячи. Но, поскольку полк участвовал в придворных церемониях, о новостях узнавали первыми, да не через вторые руки, а видаками.

Для Фёдора же удивительно, в Борисове, в дружине князя Патрикеева, как в болоте. Иной раз о войне узнавали с большим запозданием. Служба здесь ему понравилась. На заставе мёрзнуть не надо, жалованье повышенное и платят вовремя, пища сытная. А коли сопровождать кого-то надо, так оно как развлечение, коню не дать застояться.

За службу ревностную Фёдора через год десятником жаловали. Вроде и был им недолго у Патрикеева, а вот снова. Брату Ивану письмо отписал, да с оказией, когда дружинники ехали через Серпухов, передал. Брат читать и писать не выучился, желания не было, да к писарю письмо снесёт, прочитают, за Фёдора порадуются.

А потом первая потеря случилась в его сотне. Дружинники человека сопровождать поехали в Вятку, да не доехали. За Нижним Новгородом, в лесах дремучих, нападение произошло. То ли разбойники, а то ли татары или вотяки. А только тела, изрубленные и изу-

веченные, купцы на дороге обнаружили. А при убитых ни денег, ни бумаг. То, что забрали деньги, это понятно – грабители, разбойники. Но они обычно бумагами не интересуются. Как сказал сотник Кожин, в бумагах тех ничего тайного, и попади они в руки неприятеля, урона не нанесут. Но сам факт настораживал. Отныне на этом тракте никто в безопасности чувствовать себя не может – ни купец, ни человек из Иноземного приказа. Сотник указание получил: очистить тракт от разбойников, а по возможности найти и покарать воров. Ворами называли всех – грабителей, убийц, конокрадов. И Кожин отдал приказ Фёдору.

– Всем десятком идёшь. У казначея деньги на пропитание получишь, полагаю, из расчёта на месяц.

Оно и понятно, до Нижнего верхами, если не гнать, седмица, да от Нижнего два дня, а то и три до места, где убитых обнаружили. Да обратный путь столько же, а сколько там пробыть придётся – одному Богу известно. Озадачился Фёдор. Как найти разбойников – неясно, как и кто это сделал. Может, не разбойники, а удалая шайка вотяков, как удмурты себя называли. Там же и залётный отряд татар мог бесчинствовать. Тогда обнаружить их и уничтожить – дело и вовсе не сбыточное. Но понимал – это его первое самостоятельное задание в качестве десятника. Провалит, так до конца дней десятником и останется, а вероятнее – вернут в дружину князя Патрикеева. Неудачников или неумёх в привилегированном полку держать не будут, туда отбор жёсткий идёт, претендентов много найдётся.

Опыта в подобных делах не было. Он же не в Разбойном приказе служит и не под губным старостой, по ведомству которых розыск воров.

Утром, взяв провианта на три дня в перемётные сумы, выехали из Москвы. Фёдор ещё вечером десяток собрал, настоятельно посоветовал дружинную одежду не брать, надеть обычную, а под рубахи кольчугу надеть. Конечно, шлемы и щиты тоже оставить придётся. Шли на рысях, ночевали на постоялых дворах, где и питались сытно, но без излишеств. Ни вина, ни медов стоялых, ни пива Фёдор дружинникам не позволял. На одной из ночёвок, после ужина, к Фёдору Игнат подсел. Из всего десятка самый опытный и старый, уже за сорок. Воины редко до преклонных лет доживают и умирают в постели. По выслуге и заслугам в сечах Игнат давно десятником, если не сотником должен быть, один недостаток – способностями командовать не обладал. Быть десятником – не только громко и чётко приказы отдавать, а ещё мыслить в бою, на шаг, а то и два вперёд смотреть, что не каждому дано.

Игнат разговор степенно начал – далеко ли добираться, да в чём задание. Смекнул старый воин – необычная задача поставлена, иначе бы с ними посланник либо переговорщик ехал из Иноземного приказа. А то одни гриди в поход выступили. Фёдор Игнату задание объяснил. Старый воин подумал немного и предложил:

– На живца надо ловить. Ежели разбойники, обязательно попадутся. А коли пришлая шайка, хоть тех же вотяков, так их след простыл давно, так что слетит с тебя шапка.

– Что предлагаешь?

– Впереди отряда двоих пустить. Один вроде как купец или человек служивый, второй при нём охранник. А остальной десяток сзади в четверть версты, дабы подоспеть вовремя.

Фёдор поразмышлял и согласился.

– А кого живцом?

– Я и поеду. Я самый пожилой, за служилого дворянина вполне сойти смогу. Для пущей важности мне бы сумку на боку и тряпьём её набить, чтобы пустой не казалась.

Фёдор за предложение ухватился, так как других вариантов не видел. Добрались до Нижнего Новгорода, после ночёвки узнали дорогу на Семёнов, а дальше тракт на Вятку шёл. К вятским землям вплотную земли вотяков с востока прилегают, а с юга Казанского ханства. И залётных шаек здесь хватает. Вотяки под сильным влиянием татар находятся и пакостить православным горазды. Народ лесной, луками владеют хорошо, потому как охотой промышляют. Одно смущало – конницы у вотяков почти не было.

Чем дальше от Нижнего уходили, тем менее тракт оживлён, одиночные подводы редко попадались, а обозы купеческие при охране оружной. Из нескольких обозов один большой сбивался, так отбиться легче, так и шли. От Вятки к Нижнему и другой путь был – водный. Но это лишний крюк, причём изрядный, да ещё из Вятки в Каму надо, а потом в Волгу, а на излучине ханские мытари с товаров деньги брали, мыто. И мимо не проскочишь, Волга, по-татарски Итиль, железной цепью перегорожена. Не всякий купец судно нанять или купить может, потому обозом идёт.

Место нападения сотник Кожин Фёдору указал точно – в десяти верстах за Семёновом. В селе ночевали, а утром вышли в том порядке, какой Игнат предложил. Он первым выезжал, взяв в сопровождение Назара-оглоблю, получившего прозвище за высокий рост и худобу. А уже когда отдалились изрядно, десяток неполный пошёл. Фёдор волновался. Ладно, если по плану пойдёт. А коли нет? Что тогда придумать? Слышал от сведущих людей, ежели ватажка разбойничья из местных, то в лесу обитают, в землянках. И не очень далеко от тракта, дабы не утруждаться долгими переходами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.